

А Л Е К С Е Й П Л Ю С Н И Н

КАК ЗАХОЧЕШЬ, ТАК И БЫЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Плюснин
Как захочешь так и было

«Автор»

2023

Плюснин А.

Как захочешь так и было / А. Плюснин — «Автор», 2023

"Командор группы "Лолита", идеолог фестиваля Курёхина SKIF и ещё многое-многое Алексей "Плюха" Плюснин исстари был своеобразным мастером пера. Политкорректность, взвешенность и аккуратность - вот три кита, на которых никогда не стояло его литературное творчество. Только слово как волна от вибрации сердца - своего рода духовное говорение - было тем формообразующим принципом, той пеной, откуда год за годом рождались почти все его вербальные Афродиты". Сергей Гурьев, редактор журнала КонтрКульУра"Книга Алексея Плюснина не просто яркая и убедительная попытка самоидентификации в контексте современной культуры или автобиографии, насыщенной массой встреч и приключений. Это увлекательная логия в художественно-контркультурном путешествии через города, страны и музыку, протяженностью в несколько десятилетий. И еще – важный опыт, поделиться которым, можно только получив его в полной мере, приобрести которых или напротив – избежать, после прочтения этой книги, будет гораздо проще." А Певчев

© Плюснин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Детство и школа	5
Памир	11
Купание в Белом море	17
Горные лыжи	19
Новая Земля	25
Горбушка	30
«Маргарита» и Патрики	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Плюснин

Как захочешь так и было

Детство и школа

Я родился в октябре 1962 года – в роддоме института Отто на Васильевском острове. Моя мама – москвичка, наполовину литовка по крови, отец – ленинградец. Мои прадед, дед и отец были профессорами, один – медицины, другой – биологии, третий – физики. Любопытно, что оба прадеда и обе прабабки были революционерами. Один из прадедов был соратником Плеханова и теоретиком кооперации в России. Прабабка была партийной женой Ильича во время отсидки в Казанской тюрьме. Носить передачи и видеться с заключёнными можно было только близким людям. Эта близость к вождю мирового пролетариата не раз выручала мою семью после революции, когда дорожки меньшевиков, коими были мои родственники, и большевиков окончательно разошлись. Прадеда несколько раз арестовывали, но отпускали по приказу Ленина, после того как прабабка бежала к нему за заступничеством.

Все мои деды воевали. А двоюродный по отцу погиб в самом начале войны. После победы мой дед-биолог, отец отца, возглавил факультет биологии ЛГУ. Несколько лет спустя он был сослан в Петрозаводск в рамках дела вейсманистов-морганистов. Сам он изучал простейших, но был другом академика Полянского, и в какой-то момент ему пришлось сделать выбор: подписывать письмо Лысенко или нет. Говорят, точку поставила бабушка, которая сказала нет. Вернувшись в Ленинград, он обнаружил в нашей семейной квартире, в угловом доме по Большому проспекту Петроградской стороны и набережной Карповки, посторонних жильцов, которых подселили за время ссылки. Хорошо, что хоть часть квартиры осталась. Там я и прожил первые два года, пока реабилитированный дед не получил двухкомнатную квартиру в пятиэтажке на углу Бассейной улицы и проспекта Космонавтов, в новом тогда районе Московского парка Победы. Туда я уехал с мамой и папой. Там прошло мое детство. Там были детский сад и начальная школа.

Квартиры в тех домах давали различным категориям служащих, научным и техническим работникам, творческой интеллигенции. Молодыми семьями практически одновременно заселяли целые районы. В результате у нас во дворе было много детей. Первое, что мне бросается в глаза сегодня, когда я оказываюсь там, – их отсутствие. Это так непривычно, ведь в пору моего детства дворы были полны играющими ребятами.

Мы играли в пекаря и слона-милтона, ушки и фантики, ходили на пустырь, где теперь находится СКК, собирали хабарики* и сражались на самодельных мечях, прикрываясь крышками от мусорных ведер с нарисованной школьными красками большой буквой Л, в честь царя Леонида, героя популярного тогда фильма «Триста спартанцев».

Кино было особенной страницей нашего детства. Телевизоры в массе появились лишь в середине – конце шестидесятых, было всего два канала, фильмы показывали очень редко. Все шли смотреть новинки в местный кинотеатр. Это была либо «Планета» на проспекте Типанова, либо «Зенит» и «Дружба» на Московском. Если спросить сегодня любого моего ровесника, какие фильмы он смотрел в детстве, набор окажется практически идентичным у всех жителей нашей страны. Это «Неуловимые» в трёх вариантах; «Анжелика – маркиза ангелов» с Мишель Мерсье и Робером Оссейном; фильмы про Виннету, Зоркого Сокола, Большого Змея с Гойко Митичем; про комиссара Романа и Миклована; «Три мушкетера»; «Фантомасы» и прочие комедии с де Фюнесом; Гайдай; «Новые Центурионы» и «Генералы песчаных карьеров». При выходе очередного бестселлера в наш районный прокат мальчишки и их игры мгновенно

менялись и становились похожими на героев и сюжет то «Золота Маккены», то «Четырех танкистов и собаки».

Большая часть моего времени вне школы в те времена проходила в Кавголово на тренировках по горным лыжам. Иногда я уезжал на сборы прямо посреди учебного года. И все же я попробовал дворовой жизни в полной мере – от глобальных игр в войнушку и слежкой за девочками до проблем со старшими хулиганами и драками с соседними дворами. Всю малышню тогда приводил в трепет Парк Победы и мифические «парковские» – группировка хулиганов, которых на поверку никто из нас никогда не видел. Одно время меня преследовал мальчишка, настоящий хулиган, который караулил меня по дороге в школу и нещадно «тряс» на деньги. Не бил, но всячески измывался. Странно, что у меня не вызвала удивления, казалось бы, ни на чем не основанная его неприязнь ко мне. Скорее всего, он был просто плохим человеком с проблемным детством. Звали его Игорь Капинос. Я никому не жаловался и старался его всячески избегать. Прошло столько лет, а я до сих пор чувствую унижение и собственное бессилие перед его наглой ухмыляющейся рожой. Однажды подростком я снова встретил его на бульварной части проспекта Космонавтов. Я был с Димкой Мироновым, и Капинос не решился «наехать», лишь сказал какую-то гадость.

То же презрение и ненависть я испытываю к бандитам, которые трясли всю страну в девяностые и продолжают трясти ее сегодня.

Наше детство было безоблачным и счастливым, родители молодыми, а улицы безопасными. Сколько ярких счастливых воспоминаний несет моя память, не хватит и целой книги! Чего стоили шоколадные батончики по двадцать восемь копеек, которые я покупал у станции метро «Парк Победы» на деньги, выданные мамой на завтраки и обеды в школе. Потом появились удочка и рыболовные снасти, детали железной дороги и аквариум с рыбками. И пластинки. А купание в Парке Победы летом и катание там же с горок на лыжах и по льду на ногах зимой!..

В школе я учился хорошо, хоть и спустя рукава. Мой учитель русского и литературы Арон Давыдович цокал языком и говорил, что я так могу на всю жизнь остаться «подающим надежды». Как в воду глядел. Сколько лет и сил мне потребовалось, чтобы это изменить! Зато я с радостью играл роль общественного лидера и ловеласа. Я дрался с новыми мальчишками, уводил класс купаться в парк и выигрывал спортивные соревнования.

А летом, если не ехал на сборы, а родичи были в отъезде, я жил либо в Белоострове на даче, либо в пионерлагере. Не могу сказать, что я питал особую любовь к лагерю. Возможно, только в старшей группе, когда начались танцы и джинсовые костюмы с клешами, мне понравилось больше. Хотя я помню один год, когда в нашем лагере «Огонек», что на озере Красавица рядом с поселком Ильичёво, прошли «олимпийские игры». Все дети лагеря были разбиты на команды по разным странам. Я попал в команду Греции и играл в баскетбол. Это было здорово.

Но все равно в Белоострове было на порядок интереснее. Тут был пляж в Дюнах или Солнечном. Дюны тогда были режимным объектом, интуристовским комплексом, и проезд туда был запрещен. Стоял шлагбаум с будкой и охранником. Его можно было легко обойти лесом, ведя велосипед по засыпанному хвоей песку приморских дюн. Дальше никто уже не следил, и все же въезжать на пляж было спокойнее через технические службы и жилой квартал персонала. Сразу за ними начинались теннисные корты и баскетбольная площадка с гравийным покрытием. Мы часто играли там либо с отцом, либо с дядей Валей.

Велосипедная тропинка в Дюны – всякий раз это было настоящее приключение. Занимала дорога минут двадцать. Нужно было пересечь два шоссе и железную дорогу, прокатиться по узенькой тропинке рядом с железнодорожным полотном, переехать несколько деревянных мостиков шириной в одно бревно, спуститься и подняться в гору, а потом ещё волочить велосипед по лесу, увязая в песке. Друзья родителей, которые приезжали довольно часто, тоже

ездили с нами, обычно на машине. Так однажды туда попал Миша Барышников, великий танцор. У меня где-то лежат фотографии, где мы все прыгаем в песке – кто дальше.

Балет в той или иной мере всегда сопутствовал моей жизни. И хотя ни я сам, ни мои родственники к нему никакого отношения не имеют, все же он постоянно всплывает в памяти. Ближайшая подруга моей матери Люба Мясникова дружила сначала с Рудольфом Нуреевым, а потом с Барышниковым. Даже после того как оба остались на Западе, они продолжали быть в контакте. Люба ездила прощаться с Рудиком, как его называли все, на его остров. Кроме того, Люба, или Любовь Петровна, была физиком, полувековым сотрудником института Иоффе и активисткой каких свет не видывал. Именно она организовала подружек в общество «Красная спица», чья деятельность заключалась и по сей день заключается в еженедельном собрании, на котором его участники, вернее, участницы вязали и болтали. Но если бы не «Спица», мое детство было бы совершенно другим. Красные вязальщицы воспитывали меня в отсутствие родителей, которые ко всему ещё и развелись в самом конце шестидесятых.

Несомненный плюс подобного воспитания заключается в изначальном плюрализме жизненных позиций и подходов к проблеме, транслируемых разными воспитателями. Возникающая ситуация выбора дает возможность отработать схему поведения, наиболее благоприятную для ситуации. Это близко к идеям коммуны, и что-то от коммуны в нас, безусловно, было и есть. Но это не касалось и не касается политических или других фундаментальных взглядов личности. Разумеется, в компании не обходилось без антисоветской литературы, и я помню, как под одеялом с фонариком жадно читал доставшегося всего на одну ночь Солженицына. Он меня не впечатлил.

Читал я много и запоем, как делаю почти всё, чем увлекаюсь. Я мог, не отрываясь, прочитать понравившуюся книгу за сутки. Я весьма досконально проштудировал детско-юношескую литературу. Конан Дойл, Стивенсон и Майн Рид, Гайдар и Беляев, Джеймс Кервуд и Джек Лондон. Мне были симпатичны индейцы, и я, закончив полное собрание сочинений Фенимора Купера, принялся за все остальное по теме – от Карла Мая до Джона Теннера. Долгое время я был увлечен фантастикой. Уже позже, учась в Москве в институте, мы даже организовали что-то типа конкурса на написание лучшего научно-фантастического рассказа. Я занял первое место, так как был единственным, кто что-то написал. Кроме фантастики, я тяготел к историческим романам. Отец открыл мне этот замечательный мир, как и вообще мир литературы, когда читал на ночь «Остров сокровищ» и «Спартака». Я тоже читал всем своим детям, но их пристрастить к печатной книге уже не удалось.

Нынешнее поколение получает информацию другими способами. С ней та же история, что и с пищей – собственно, информация, это та же пища, и с ней надо обращаться грамотно, чтобы избежать ожирения или других болезней. Будучи производной от кибернетической революции, революция информационная настолько быстро и кардинально изменила всё вокруг, что нашему организму требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к новым видам информации и способам её получения. И пока мы не привыкли, нас будет колбасить. Я считаю, что бо́льшая часть сегодняшнего напряжения в мире, особенно в области коммуникации, связана именно с тем, что людей просто клинит из-за неспособности правильно принимать обрушившийся на них информационный поток.

Летом компания детей «Красной спицы» частенько жила на даче у дяди Миши Семенова, отчима Димки Миронова, в Сосново, в вечно недостроенном доме прямо на берегу озера. Здесь мы охотились с подводным ружьем, катались на виндсерфинге и ходили в соседние пионерлагеря на танцы и баскетбольную площадку. А однажды даже приняли участие в своеобразной охоте на кабана, которого сбил машиной один знакомый. Кабан с перебитыми передними ногами и скошенной мордой отполз довольно далеко от дороги. Мы вызвались его добить и привезти домой. Это оказалось совсем не просто, и мне неприятно это вспоминать до сих пор.

Кабанье мясо оказалось жестким и пахучим. Но оставить его на съедение мелким хищникам было бы, наверное, более жестоко – шансов выжить у зверя с такими травмами не было.

Ещё одним регулярным мероприятием, в котором участвовала вся «Спица» и примкнувшие к ним, была и остаётся «Трапедия». Ровно пятьдесят лет назад компания из нескольких молодых ребят обнаружила в ленинградской области замечательное озеро, входящее в систему Семиозерья, что на пути в Приморск возле Полян. Озеро было небольшое, с крутыми поросшими соснами берегами. На ближнем к дороге берегу обрыв был совсем крутой, и кто-то предложил повесить между двух сосен на длинных веревках перекладину, чтобы, качнувшись на ней с берега, можно было прыгнуть в воду, как с тарзанки. И с тех пор каждый год девятого мая, в День Победы, толпа народу едет на Голубые озера на прыжки с трапедии. На выходе высота перекладины составляет иногда до десяти метров. Прыжок с кача с такой высоты, да ещё в ледяную воду, – это, я вам доложу, испытание на мужество. Брякнуться можно очень серьезно, чему я был свидетелем не раз. Но, удивительно, всегда обходится лёгким испугом. За пятьдесят лет это мероприятие переросло междусобойчик, и в наиболее активные годы там собиралось до двухсот человек, включая иностранцев и москвичей. Самое удивительное, что, даже достигнув таких масштабов, «Трапедия» не переставала быть по-семейному теплой и дружественной ко всем. Ее бессменным инициатором и лидером стал брат Любы Мясниковой дядя Леха, или Леонид Петрович Романков, в недавнем депутат Госдумы и человек, который много раз помогал мне и моим проектам. Мои друзья музыканты тоже изредка появлялись на «Трапедии», но постоянными участниками так и остаются те люди, которые ее начинали. И это очень правильно, я считаю.

В середине семидесятых мы переехали, но совсем рядом, на угол Бассейной и Витебского. Это событие ознаменовало конец детства и начало юности. У меня появились новые знакомые и новые интересы. Я все больше увлекался музыкой. Появились первые записи. Магнитофона у меня тогда ещё не было. Мы жили небогато, и когда мама наконец решила подарить мне его, у всех моих друзей уже были либо «Нота», либо «Комета». Маме удалось купить магнитофон лишь со второй попытки, так как в тот день, когда она впервые поехала его покупать, у нее в автобусе вытащили кошелек. Карманники, которые регулярно «щипали» пассажиров на маршрутах от угла Космонавтов и Бассейной до метро «Парк Победы», складывали пустые кошельки – бумажников тогда не было – в щель в столбе освещения рядом с остановкой. Я знал это место с детства, случайно наткнувшись на него, бесцельно слоняясь по улице. Мамино кошелька там не оказалось.

Со второй попытки у меня все же появился новенький «Маяк-203». Первую запись на него я сделал с пластинок сына подружки моей мамы, моряка дальнего плавания: сборник «The Beatles 1967–1970», «Houses of the Holy» Led Zeppelin и «Sabbath Bloody Sabbath» Black Sabbath. Это были бесценные первые записи с пластинок – обычно можно было купить за два-три рубля копию с копии. На мой четырнадцатый день рождения Андрюха Белле, с которым мы катались на лыжах в детстве и чья мама входила в пресловутую «Красную спицу», подарил мне пленку с двумя альбомами Pink Floyd – «The Dark Side of the Moon» и «Wish You Were Here». Я был в шоке.

В результате тусняка с записями музыки я познакомился с двумя парнями. Леха Рыбин учился в школе, расположенной во дворе моего дома, а Витя Красиков жил в соседнем доме, и его папа был учителем физкультуры в этой школе. Шел 1978 год. В нашем районе ещё не было никаких ансамблей, но ситуация уже зрела. Помню, что Рыба играл дома у брата с сестрой, близнецов. Они жили в соседней девятиэтажке и гуляли с большой овчаркой. Их группа называлась «Черное зеркало», и они играли без ударных. Но уже записывались, Рыба ставил мне запись. Он потряс меня, когда спел начало из «Supper's ready» во время прогулки. С ним я начал меняться пластинками и впервые приехал в клуб на улице Римского-Корсакова.

У Вити Красикова я не только впервые увидел и услышал Хендрикса, Заппу и Сантану, но и встретил одного из «битников». Так называла себя группа подростков из нашего района. Они причудливо одевались, странно стриглись и всячески валяли дурака. Тогда я не знал, что круги расходятся от квартиры в доме по проспекту Космонавтов, где жил мальчик по имени Андрей Панов. Его папа и мама, оба работники искусств, привозили сыну из загранкомандировок пластинки и журналы. Плакаты из журналов удалялись, и с них ещё один член компании, Витя Цой, рисовал копии, которые потом загоняли по трёхе у магазина «Юный техник» на Краснопутиловской улице, где была толкучка. Всего этого я тогда не знал. Но о битниках слышал. И знал, что Красиков с ними связан. Однажды, когда мы с Витей слушали пластинки у него дома на последнем этаже хрущевской пятиэтажки, в дверь раздался звонок. К сожалению, первым к ней подошел папа Вити, высокий спортивный мужик в вечном динамовском костюме. На лестничной площадке стоял один из битников по кличке Хуа Го Фэн, или просто Хуа. Не знаю почему, но среди наших панков популярны почему-то китайские и прочие имена с политическим подтекстом. Хуа Го Фэн, Пиночет, Ким Ир Сен – многовато для просто совпадения. Так вот, Хуа был одет следующим образом: на нем были тренировочные штаны, вывернутые наизнанку, с болтающимися штрипками, а сверху старый потрёпанный фрак на голое тело. «А Витя дома?» – успели услышать мы с Витей, как послышался стук бегущих вниз по лестнице ног и крики Витькиного папаша.

В девятый класс я перешел в другую школу. Если раньше я учился на улице Фрунзе и туда ходил пешком, то теперь мне приходилось ездить на троллейбусе к Московским воротам. Старшие классы очень отличались от всех предыдущих лет школы. Плюс к этому полностью сменились люди, которые окружали меня половину жизни. Сменились учителя, снова изменились интересы. Это сладостное и горькое время первой любви и первого поцелуя, первой печали и грусти... «Вам и не снилось» с Никитой Михайловским и «В моей смерти прошу винить Клаву К.», пожалуй, максимально точно передают настроение этого возраста. Помню, что жизнь казалась невыносимой после просмотра «Клавы К.». Хотелось немедленно такого же. Без этого просто было нельзя жить. Я познакомился с исполнителями главных ролей и влюбился... в никого – я был в состоянии перманентной влюблённости, но предмета этой влюблённости не существовало. Мне было нестерпимо больно и приятно одновременно. Это было ощущение приближающейся любви, и однажды она пришла.

Как и первая моя школа на Фрунзе, эта была физико-математическая. Уходя из первой после 8-го класса, я надеялся попасть в 45-й интернат. Это была самая престижная физмат-школа в городе, из которой был прямой ход в университет. После нее котировалась 30-я школа на Ваське, где учился Боря Гребенщиков, и 239-я на Кирочной, тогда улице Петра Лаврова, рядом с кинотеатром «Спартак». Я подавал надежды. Думаю, отец хотел, чтобы я пошёл по его стопам. В десятом классе я занял призовое место на городской олимпиаде по физике, что не помешало мне иметь в аттестате «тройку». Дело было в конфликте с учителем. Михаил Израилевич Шпиченецкий учил нас физике методом Шаталова. Это когда вы составляете на уроке конспект разноцветными ручками, а на следующем уроке пишете его наизусть. Ошибаетесь – и пересдаёте в свободное время. Когда он влепил мне три балла на экзамене, учителя были так возмущены, что наша классная, химичка, поставила мне «пять», хотя как раз химию я не любил и знал не больше чем на «три». С переходом в более престижную школу не вышло, и в результате после окончания я поступил в ЛЭТИ, правда на кафедру Жореса Ивановича Алфёрова, академика и директора физико-технического института имени Иоффе. Там я проучился год, пока не перевёлся в Москву. Моя мама, геолог по профессии, внезапно отправилась работать в Монголию, предварительно переехав в Москву. Я остался на один год у отца.

Сложностей с учёбой не было, что дало мне массу свободного времени, которое я употреблял, как и положено в моём тогдашнем возрасте, на всякие глупости. К примеру, я мажорил вместе со своим закадычным другом по институту Джексонем. Мы носились по Невскому,

встревали в неприятности, распрягались в ресторанах и общались с сомнительными личностями.

Мажорка, или фарцовка, были неотъемлемой частью постепенно утыкающегося в тупик советского строя. Что было причиной: бездарность руководства или проигрыш в холодной войне? В любом случае признаки загнивания были налицо, и фарцовка – один из них. В Ленинграде это был целый мир со своими героями и легендами. Мир, который до сих пор ждёт своего бытописателя. В мажорах и фарцовщиках как нельзя ярче прослеживались процессы, проходившие в стране. И в то же время в этом была какая-то романтика, что-то от «Пикника на обочине» Стругацких, который так потряс меня когда-то. По крайней мере, для меня это было так. В этих людях – конечно, очень разных, подчас весьма неприятных и даже опасных – было что-то интригующее и зовущее, как в пиратах. Дима Чангли, Крендель, Фека – эти имена до сих пор несут для меня ореол романтичности. И я до сих пор поддерживаю отношения с некоторыми из них.

На самом деле всё было весьма прозаично, а порой и стрёмно. И хотя мы не тусили с уголовными элементами, а просто валяли дурака, перспектива быть пойманными и, следовательно, выставленными из института, мало привлекала. К лету я решил перебраться в столицу, и тут заканчивается одна жизнь и начинается другая.

Памир

Летом 1978 года отец взял меня с собой в альплагерь. Может быть, он хотел побыть папой, ведь после развода родителей виделись мы мало, у него была семья, где уже подрастал мой младший брат Михаил. А может, меня просто было некуда деть летом – мама работала в поле, и сидеть со мной в Белоострове было некому. Как бы то ни было, но благодаря той или иной причине я отправился в самое яркое путешествие моего детства.

Я вырос на книгах. Дома была большая библиотека, а если чего-то не было, то я отправлялся в районную, имени Маршака, расположенную на углу Бассейной и Гастелло, рядом с домом, в котором жил Цой, и читал там. Помню, как издавались одна за другой книги Волкова, и я поглощал их по мере появления в читальном зале. За ними была очередь, и иногда приходилось по нескольку недель ждать, пока очередное приключение Элли попадало тебе в руки. Так было до того момента, как Волков ударился в уже совсем космическую эзотерику.

В сферу моих интересов входила приключенческая и историческая литература. Собрания сочинений Майн Рида, Стивенсона, Конан Дойла и Жюль Верна были прочитаны от вступления первого тома до заключения последнего. Ну разве что я пропускал письма и издательские статьи. Разумеется, среди прочего любимой была и романтическая литература молодой Советской Республики. Помню, как завораживала меня атмосфера зимней тайги в «Чуке и Геке».

Гайдар вообще остался одним из самых любимых моих писателей. Даже многочисленные разоблачения и обвинения, обрушившиеся на его имя после формального развала Союза, не смогли затушить это чувство. Именно книги и их герои создали во мне ту систему ориентиров, согласно которой я живу. Именно с воображаемым мнением Павки или Мальчиша, Тома или Натти я всегда пытался соотнести собственные решения и поступки. Однажды моя почти слепая бабушка Зоя, мать моей матери, альпинистка и горнолыжница, пламенная коммунистка, в честь которой я назвал свою младшую дочь, сказала мне, тогда ещё ребёнку, что нужно жить так, как будто за тобой с неба всегда смотрит кто-то и оценивает то, как ты поступаешь. И нет-нет, да и всплывает у меня из глубин подсознания эта мысль о смотрящем за мной...

Как бы то ни было, а я со свойственной мне дотошностью и энергией читал всю приключенческую литературу, до которой мог добраться. Среди прочего мне попала книга с загадочным названием «Джура». В ней описывались революционные события тридцатых годов в горах Памира и Афганистана, когда Советская Армия обращала в коммунизм местное население, а население всячески этому сопротивлялось, примерно так же, как и в русской деревне. И те и другие жили при феодализме. Только если у нас в процессе коллективизации были выявлены кулаки, то на Памире врагами новых процессов стали басмачи. Все эти бывшие баи и ханы – все те, кому новое время было поперёк горла. Один из самых моих любимых фильмов «Офицеры» начинается событиями того времени, происходящими в тех же местах. Вот именно туда я и отправился с отцом летом 1978-го, за год до войны в Афганистане. Отец ехал туда начальником альпинистского лагеря «Высотник».

Я вылетел из Москвы с военного аэродрома на Ил-18, в сопровождении друга отца, тоже альпиниста, дяди Саши Карасёва и моего сверстника Сени. Сеня был сыном ещё одного папиного друга, дяди Алика Гутмана по прозвищу Бенья. За пристрастие к рисованию папа в шутку называл его Мольберт Рафаэлевич Ван Гутман-Бенюа. Вместе с нами летела группа московских альпинистов. Они собирались штурмовать Пик Коммунизма*, высшую точку Советского Союза. Отец улетел на пару недель раньше в город Ош, чтобы подготовить снаряжение и прочее необходимое для экспедиции на местной базе, откуда мы с ним должны были повезти это все на грузовике в глубь гор.

Самолёт летел по маршруту Москва – Ленинабад – Фергана. Чтобы попасть в Ферганскую долину, он должен был перелететь через один из хребтов западного Тянь-Шаня. Это означало, что придётся подняться выше восьми километров. Для транспортного «Ил-18» это было равносильно покорению Эвереста. Когда давление в так называемом салоне начало падать, пилоты пригласили пассажиров в помещение перед рубкой. Туда все и набились как сельди в бочке. Большинство получило кислородные маски. Но не мы – два единственных ребёнка среди пассажиров остались без масок. На посадке в Ленинабаде, где самолёт дозаправлялся, а мы могли передохнуть, я отполз метров на сто по траве и просто лежал.

Фергана встретила нас ярким солнцем и тридцатипятиградусной жарой. До отхода автобуса в Ош было несколько часов, и мы успели искупаться в местном городском бассейне, который скорее напоминал пруд, и съесть по мороженому, жирному и жёлтому, как маргарин. Дорога была длинная и монотонная. Выгоревший на солнце ландшафт, ослы, арыки вдоль шоссе и силуэты гор где-то вдали.

Отец ждал нас у ворот базы общества «Буревестник». Ош оказался тише и меньше Ферганы, горы заметно приблизились. В центре города, как и в Фергане, был водоём – Комсомольское озеро, на берегу которого стояла база. Тут же было широкое устье обмелевшей летом реки Акбуры, что несёт воды с Алайского хребта, второй ступени Памира. Первая же ступень – это Ферганская долина, в восточном углу которой и расположен древнейший город Ош. За три тысячи лет существования он видел и Чингисхана, и Тимура, и правителей Кокандского каганата, и чиновников Российской империи. В 1978-м он входил в состав Киргизской ССР.

Мы прожили в Оше незабываемую неделю. В один день мы были на «Травиате» в постановке местного театра оперы и балета, где арию отца Жермона исполнял какой-то киргизский певец, а Виолетту – дама весьма серьёзных размеров и возраста. Представляете, Ошский театр оперы и балета! Правда, «Даму с камелиями» я не читал, несмотря на то что автор – сын моего любимого писателя детства Александра Дюма. В другой день отец повёл меня на обед к водителю альплагеря, русскому мужику, женатому на местной. Там я впервые увидел мусульманский уклад жизни. Мужчины, включая меня, сидели на ковре вокруг огромного блюда с пловом из мяса кутаса, памирского яка. Причём мясо было в отдельной миске, а на блюде лежала гора душистого желтоватого риса. Ели руками. Тут надо уметь сложить ладонь лодочкой, убрав большой палец внутрь и выталкивая им горстку риса, забранную ладонью как ковшом, прямо в рот. Особым знаком уважения считалось покормить соседа. Плов был обжигающе горячим и невероятно вкусным. Женщины появлялись в комнате из женской половины, ставили что-то на стол, забирали использованную посуду и возвращались к себе. Не знаю, хорошо ли мы вымыли перед этим руки, но отца на следующий день пронесло.

Почти все свободное время, пока отец занимался подготовкой к экспедиции, я проводил на пруду, гордо называемым Комсомольским озером. Я человек контактный, для меня никогда не было проблемой найти язык с самыми разными людьми, будь то военные или милиция, бандиты или жители других стран. Я легко и с удовольствием передразниваю, и это помогает мне лучше понять других и вести себя соответственно.

Я мгновенно нашёл себе компанию местных подростков примерно моего возраста. Это были, в основном, русские ребята. Несмотря на единую идеологию, которая, кстати, очень много добила именно в плане содружества разных народов, публика в Оше резко делилась на киргизов с узбеками и русских. Всё, конечно, было спокойно и мирно, но разделение существовало. И скрытая вражда тоже. Она иногда проявлялась в стычках нашей компании с местными, которых русские мальчишки называли чертями. Те были, на самом деле, вполне мирными людьми, так что практически всегда заводилами была наша русская компания. Обычно дальше громких слов дело не шло.

У мальчишек в нашей компании уже были подружки. Они катались с ними на лодках по озеру и имели очень важный и довольный вид. Насколько я помню, у меня до того момента

ещё не было опыта в данной сфере. Я, конечно, влюблялся, и меня пугало и завораживало то чувство, которое появлялось всякий раз, когда это происходило: и восторг, и грусть, и боль, и счастье. В общем, любовь. Вернее, влюблённость. Она физиологичнее, и, скорее, эмоция, нежели полноценное чувство. Я выбрал, как мне казалось, самую симпатичную девчонку, и на следующий день мы уже катались на лодке, а вечером целовались. Её звали Афина.

Достойным завершением недели стали кроссовки, которые мне подарил папа. Это были первые в моей жизни кроссовки. Настоящие, фирменные, с темно-алым замшевым носком, каучуковой подошвой и загадочным названием «Арена» на пятке. Почти наравне с джинсами «Монтана», пластинками, жвачкой, югославской стенкой с баром, «аляской», собранием сочинений Мориса Дрюона и сапогами-чулками, кроссовки были среди самых дефицитных и вожаденных ценностей эпохи загнивающего социализма.

На складе базы мне выдали кое-какое альпинистское обмундирование. Ботинки с трикони – зубчатыми набойками на подошве наподобие кошек. За нами заехал ЗИЛ-53, и мы загрузили его кузов консервами, одеждой и оборудованием. Я ехал в кабине с водителем.

Дорога шла в гору вдоль устья реки Гульча, некогда самого басмаческого места. Уже давно никаких басмачей не осталось и в помине, но местность не выглядела дружелюбной. Постепенно растительности становилось все меньше, а дорога превратилась в серпантин, который шёл к первому перевалу Чирчик, ведущему на Памир – Крышу Мира. За ним дорога, не меняясь, идёт к перевалу Талдык, после чего спускается в Алайскую долину к посёлку Сарыташ. Это уже довольно высоко, порядка трёх с половиной километров над уровнем моря. Воздух на такой высоте разрежённый, и двигаться, пока организм не адаптируется, нужно осторожно. Когда я спрыгивал с остановившегося грузовика на землю, у меня даже кружилась голова. Вдоль дороги была широкая канава, где я обнаружил единственное растение, кроме жёлтой и сухой травы, которой было покрыто все вокруг, – это был мясистый серо-зелёный цветок с бледными грязновато-белыми лепестками. Я показал его отцу, и тот сказал, что это эдельвейс. Я был слегка смущён, потому что в моем представлении эдельвейс дарился даме сердца джигитом после героического восхождения к вершине горы. Но дело в том, что это на Кавказе высота в три с половиной километра – вершина многих гор, где властвуют лёд и камень. А на Памире это были лишь предгорья. Тем не менее я положил эдельвейс между страниц книги и долгие годы после этого иногда наткнулся на него. Он и сейчас ещё лежит где-то между страниц с похождениями Оцеолы или капитана Немо. Возможно, когда-нибудь на него наткнётся мой внук или правнучка, перебирая барахло на чердаке.

Если с одной стороны широкой и пустынной Алайской долины горы похожи на гигантские холмы, то в противоположном конце – там, где Памирский тракт ведёт к перевалу Кызыларт, что в переводе с киргизского означает «Красный перевал», – вздымаются семикилометровой мощью пик Ленина, один из четырёх семитысячников, находившихся на территории СССР. Другие три – это пик Корженевской, пик Победы и самый высокий – пик Коммунизма. Его высота почти семь с половиной километров. Выше только горы Гималаев и Каракорума. Есть ещё пятый потенциальный семитысячник, пик Хан-Тенгри, на который безуспешно пытался взойти мой отец. Их экспедиция потерпела поражение от горы и закончилась трагедией, которую описал питерский писатель и автор юмористических текстов, а по совместительству заядлый альпинист Евгений Виноградский в книге воспоминаний.

Памир существенно превосходит Кавказ в высоте, но в разнообразии проигрывает. По сравнению с буйством красок и форм Кавказских гор Памир выглядит, как старые фотографии на фоне 3D-графики. Здесь нет остроконечных каменных пиков и головокругительных обрывов, на склонах нет растительности, и большая часть их покрыта вечным льдом и снегом. Кавказ – молодые горы, темпераментные и яркие. Памир старше и спокойнее, но мощнее и величественнее.

С перевала дорога спускается в долину реки Маркансу – мёртвую долину, которая имеет сток в восточном направлении, в Китай. Летом её русло в верховье полностью пересыхает. Растительность отсутствует, даже снега нет. Через долину с древних времён шла караванная тропа, часть легендарного Шёлкового пути. Люди здесь жили уже в VIII веке. Через невысокий водораздел Памирский тракт выходит к озеру Каракуль, над которым вдали возвышается Заалайский хребет. «Кара» значит «чёрный», а «куль» – «озеро». И хотя вода в нем скорее синяя, из-за огромной глубины она кажется чёрной. Это бессточное озеро, в него впадают несколько рек, но не выходит ни одной. Вода горько-солёная, мёртвая, глубина достигает 250 метров. Геологи говорят, что это воронка от врезавшегося давным-давно в Землю гигантского метеорита. И вправду, если бы не было озера, то место было бы похоже на лунный кратер со скалистыми зубцами по окружности и глубокой ямой как от врезавшейся в жидкий блин и мгновенно застывшей капли.

Если вода в озере чёрная, то земля вокруг ослепительно белая из-за соли, оставшейся от испарившейся воды. Вокруг совершенно безжизненная пустыня. До этого всё, что я знал о пустынях, было почерпнуто из книг об Африке или Америке. Для меня пустыня – это песчаные барханы «Белого солнца пустыни» или бескрайние красно-жёлтые каменные нагорья Аризоны. Здесь же пустыня была такой, какой, видимо, бывает на других планетах или Луне: она была безжизненной.

От озера Каракуль Памирский тракт выходит на просторы Восточного Памира через самый высокий перевал Акбайтал, или Белая Кобылица. Он находится на высоте четырёх с половиной километров. До недавнего времени это был самый высокий в мире перевал, по которому идёт дорога, пригодная для автомобилей. Но никаких автомобилей там нет. Проходят в основном наши грузовики, типа ЗИЛ. Говорят, узик ещё может. Остальным не хватает кислорода для нормальной работы двигателя.

Переночевали мы в придорожной гостинице в посёлке Мургаб, куда приехали поздно ночью. Это уже Таджикистан, вернее, Горно-Бадахшанская автономная область, ГБАО.

От Мургаба Памирский тракт идёт по просторам Восточного Памира широкими и ровными долинами рек Мургаб и Аличур и через перевал Койтезек выходит в долину реки Гунт, на месте впадения которой в главную реку Памира Пяндж расположена столица Горного Бадахшана – город Хорог. Участок Ош-Хорог длиной 728 км построен в тридцатые годы. Вот основные участки пути: Ош – перевал Чийирчик (2402 м) – перевал Талдык (3615 м) – перевал 40 лет Киргизии (3541 м) – с. Сары-Таш (Алайская долина) – перевал Кызыларт (4250 м) – долина реки Маркансу – перевал Уйбулак (4200 м) – озеро Каракуль – перевал Акбайтал (4655 м) – перевал Найзаташ (4314 м) – Аличурская долина – перевал Харгуш (4091 м) – перевал Тагаркаты (4168 м) – долина реки Сулу – перевал Кой-Тезек (4251 м) – долина реки Гунт – город Хорог.

Другой путь на Памир – из Душанбе, столицы Таджикистана. Западная часть Памирского тракта, начинающаяся в Душанбе, огибает западную оконечность хребта Петра I и ведёт на юг из долины реки Обихингоу через перевал Хабуработ опять же в долину реки Пяндж. По ней проходит граница Таджикистана с Афганистаном.

В районе Хорога Пяндж разливается до километра в ширину, а потом сжимается до двух десятков метров, стиснутый двумя хребтами. Огромная масса воды несётся по узкому руслу неудержимым и бурным потоком. Я не мог представить, как переправиться через реку без моста. Однако если в местном магазине продавались эмалированные тазы, обычно на следующий день в них уже стирали белье на той стороне, в Афганистане. По большей части в долине реки Пяндж и вокруг живёт примерно один народ. Формально их называют таджики, но они называют себя язгулямцами.

Язгулямцы, один из народов Памира, живущий в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, в долине реки Язгулям. Язык язгулямцев относится к иранской группе язы-

ков. Происхождение их туманно. О том, что они могут быть потомками войска Александра Македонского, свидетельствуют местные легенды. В предании об Александре рассказывается, что великий полководец не только был в этой местности, но и нашёл здесь свою смерть. По легенде, местный герой Андар сразился с ним. Язгулямцы верят, что Александр похоронен здесь, в гробнице, в местности, носящей название Каменный мост.

Вниз по течению Пянджа, в направлении Душанбе, нам надо было проехать ещё около четырёхсот километров до долины реки Ванч, в верховьях которой и находился альплагерь «Высотник». Дорога шла вдоль реки по шоссе, порой вырубленном в толще скал. На другой стороне реки, в Афганистане, никаких дорог не было и в помине. Там, в редких долинах, образованных притоками Пянджа, царила патриархальная атмосфера феодальной деревни или усадьбы, можно было увидеть немногочисленных жителей и пасущихся лошадей. В местах, где вплотную к руслу Пянджа подступали скалы, на высоте до нескольких сотен метров в щели скал были вбиты деревянные балки, увитые ветвями кустарника, который служил настилом. По ним изредка передвигались люди, иногда в сопровождении ослов. Интересно, как они расходились, когда встречались? Эти тропы называются овринги. Иногда на отвесной скале можно было увидеть застывших горных козлов. Не уверен, что профессиональные мастера скалолазы полезли бы туда, где эти козлы с такой лёгкостью карабкаются и даже пасутся, поедая мох и клочки кустарников, выросших в щелях.

Так продолжалось до самого Ванча. Только долины становились шире, а скальные участки попадались реже. В Ванче мы сделали привал возле настоящей чайханы, вокруг которой росли абрикосовые деревья, а на коврах сидели и полулежали люди. Пахло лепёшками и рисом. Среди низкорослых южных таджиков своим высокие ростом выделялись блондины с голубыми глазами и рыжие – с зелёными. Это были язгулямцы. И хотя они выглядели вполне европейцами, поведением они мало чем отличались от остальных. Большинство были в белоснежных рубахах, о которые они вытирали руки во время еды. Видимо, дома эти рубахи стирали каждый день.

Шоссе превратилось в пыльную, высушенную солнцем каменистую дорогу, ведущую вдоль реки Ванч вверх в горы до самого языка величайшего на Памире ледника Федченко, который идёт вдоль хребта Академии Наук. Там, на подступах к пику Революции, и находился лагерь «Высотник». Он представлял собой группу брезентовых палаток военного образца, выцветших на солнце и разбросанных по небольшому куску плоской земли, с одного конца подпираемой языком ледника, а с другой – руслом Ванча, который на этой высоте был бурным и мутным. В этом лагере я провёл месяц. В палатке с отцом, читая «Угрюм-реку» и слоняясь по лагерю в поисках чего-нибудь интересного.

Жизнь в альплагере насыщена только для альпинистов, которые готовятся к восхождению или отдыхают, вернувшись. Пятнадцатилетнему подростку делать там было, в общем-то, нечего. Гулять вокруг негде, да и опасно. С горами шутки плохи. Однажды, где-то через пару недель после приезда в «Высотник», произошло ЧП. Группа туристов присела отдохнуть под скальным козырьком, который, будучи ледяным в своей основе, сошёл прямо на них. Двое погибли, и их трупы несколько дней лежали на леднике, пока их не забрал вертолёт.

Отец, который был начальником лагеря, очень нервничал. Нервозность усугубляла ситуация, сложившаяся с командой альпинистов нашего лагеря, которая по заявке на первенство СССР предприняла попытку восхождения на пик Революции по северной стене. Они ошиблись с прогнозом, и непогода застала спортсменов, когда они уже были на маршруте. Связь с командой пропала, и несколько дней никто в лагере не знал, что происходит. Они были вынуждены провести несколько висячих ночёвок прямо на скале, под непрекращающимся дождём, снегопадом и камнепадом.

Альпинист должен уметь устроиться на ночлег в любой ситуации, потому что от отдыха и восстановления сил зависит не только успех восхождения, но, зачастую, и сама жизнь. Неиску-

шённый читатель представляет себе альпинистский лагерь на маршруте как группу палаток в живописном месте. На самом деле альпинистам часто приходится ночевать там, где их застанет ночь или непогода. Например, всякая ночёвка: застигнутые во время подъёма по скале, альпинисты бывают вынуждены ночевать в спальном мешке, пристегнув его карабинами к верёвке и прикрепившись к скале. Даже не представляю, как им удаётся спать в таком положении, но другого выхода у них нет.

Альпинизм вообще – один из самых опасных видов спорта. Каждый сезон отважные покорители гор гибнут, срываются со скал, падают в трещины, погибают под камнепадами и лавинами. Гора берет очень высокую плату с тех, кто хочет её покорить. А именами погибших называют вершины. Например, гора Эрцог в Домбае, которую так романтично воспел Юрий Визбор, названа в честь Мориса Эрцога, легендарного альпиниста, который потерял пальцы рук и ног во время первовосхождения на Аннапурну, десятый из четырнадцати восьмитысячников нашей планеты. Но дело того стоит. О подвигах восходителей слагают легенды и песни. Ощущения же на вершине просто неопишутемы. Очень точно спел Владимир Высоцкий:

Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.

Я с детства слышал рассказы об альпинизме, почти все мои старшие родственники и многие их друзья занимались альпинизмом и горными лыжами. Мой дед, Иван Александрович Черепов, во время войны переводил через перевалы Кавказа людей, скрывавшихся от немцев из дивизии «Эдельвейс». Он написал первую книгу о технике горнолыжного спорта. С детства я помню имена всех восьмитысячников наизусть: Джомолунгма (Эверест), К2 (Чогори), Канченджанга, Лхоцзе, Макалу, Дхаулагири, Чо-Ойю, Манаслу, Нанга Парбат, Аннапурна, Хидден-пик (Гашербрум I), Бруд-пик, Гашербрум II и Шиша Пангма.

Отец каждое лето проводил в горах, там он и познакомился с моей мамой. Мама была молодой начинающей альпинисткой, когда во время прогулки по лагерю Бакуриани встретила группу, возвращавшуюся с восхождения. У них были обветренные и загорелые от горного солнца лица, а у их лидера, шедшего впереди, сопля из носа примёрзла к щеке. Этим лидером и был мой отец...

Ситуация с командой на пике Революции усугублялась беспорядками в лагере, которые вызвало пьянство, устроенное с подачи доктора экспедиции и с радостью поддержанное командой спасателей лагеря, которых доктор снабжал медицинским спиртом. Отец очень сильно нервничал, так как вся ответственность за происходящее в лагере лежала на нём. Случись что – к примеру, гибель кого-то из команды – и ему пришлось бы отвечать перед законом. Он принял решение отправить меня домой. Но стресс был слишком велик, и как-то после купания в ледяной воде одного из трёх крохотных озёр, находящихся в часе ходьбы от лагеря, у него случился инфаркт. На вертолёте его доставили в госпиталь Душанбе, где он провалялся несколько недель. От этого инфаркта он так и не смог оправиться, с годами ситуация с давлением и сердцем усугублялась, пока не привела к смерти в 1990 году. Ему было всего 58 лет.

Я же в сопровождении пресловутого доктора проделал весь обратный путь вниз по долине реки Ванч, потом до Хорога и назад, через перевалы Памирского тракта, в Ош. Оттуда мы сначала вылетели во Фрунзе, и я в первый и единственный раз в жизни летел на самолёте «Як-40». Оттуда в Москву и домой, в Питер. Так закончилось самое яркое путешествие моего детства. Я ещё много раз бывал в горах, но та поездка навсегда останется в моей памяти как самое прекрасное приключение, в котором рядом со мной был мой отец.

Купание в Белом море

Летом между девятым и десятым классами я поехал в Полярные Зори – город недалеко от Кировска в самом предгорье Хибин, уже за полярным кругом.

К тому моменту как раз завершился мой первый длинный составной обмен, начавшийся с того, что Рыба, который уже бывал на пластиночной толпе, обменял взятый мной у приятеля «24 Carat Purple» Deep Purple на «Foxtrot» Genesis. В результате длинной цепочки я оказался должен хозяину Deep Purple что-то около пятидесяти рублей. Взять их было неоткуда, да ещё Рома Глоба из класса старше предложил купить усилочек со встроенным восьмитрекковым кассетным магнитофоном и ресивером и какую-то странную плексигласовую вертушку в разваливающемся самопальном корпусе. Этот, с позволения сказать, комбайн ему якобы привёз отчим, по слухам работавший аж в самой Японии на заводе Panasonic. Тот же отчим привёз ему гитару Fender Stratocaster. На ней в нашем школьном бэнде старшеклассников играли Дюша Михайлов и Олег Валинский, который отметился в «Кино», а потом сделал карьеру в железнодорожном управлении. У того же Глобы были редкие пластинки, с которых, видимо, Дюша снимал ноты. Они играли не просто «Smoke on the Water», но и «All Along the Watchtower» (в версии Хендрикса, разумеется), и «Nothern Hemisphear» в то время совершенно неизвестной у нас английской группы East of Eden, и ещё не помню какую вещь Atomic Rooster, которых, кстати, тоже никто не знал, и, что самое привлекательное, «N.I.B.» Black Sabbath.

Короче, на покупку комбайна и долг мне надо было заработать пятьсот рублей, сумму по тем временам совершенно невероятную. Тут и подвернулась возможность поехать «в поле», в мамину 17-ю геологоразведочную партию. В Полярных Зорях была база их экспедиции. Я должен был работать на стройке двухэтажного административного корпуса.

Из Ленинграда нас было человек пять, мы все прошли медкомиссию, и нас официально оформили на работу на летний период. Со мной поехал мой ближайший школьный приятель Серёжа Сокольский, высокий худой и томный знаток английского и любитель Пугачёвой вместе с нормальным роком. В то лето я впервые понял, что встречаться эпизодически, пусть и почти каждый день, в школе – это совсем не то, что находиться с ним постоянно в более или менее одном пространстве. К концу лета мы практически не разговаривали. Но, оказавшись в сентябре в школе, все было забыто. «Долгая память хуже, чем сифилис, особенно в узком кругу».

Остальные были постарше – либо уже нигде не учившиеся, либо студенты техникумов. Среди них был один, особенно мне запомнившийся. Не помню, как его звали, но буквально в первую же встречу он рассказал нам историю своей жизни в подробностях, среди которых, к примеру, имелся замечательный эпизод, когда он работал – или, лучше сказать, оказался работающим, ибо сострадательный залог точнее всего отражал его судьбу и характер, – на фабрике кондитерских изделий им. Крупской в качестве разносчика. В его обязанности входило катать по цеху тележку с пробирками, в которых находился либо ликёр, либо коньяк, и добавлять их содержимое в чаны, где варилось что-то сладкое, наподобие карамели. Работники его специальности, как и все остальные в цеху, делились на две группы. Одна страдала алкоголизмом, другая была на грани диабета. Разумеется, в первой были в основном мужчины, вторая же была смешанной, с явным преобладанием женщин. К концу рабочего дня те, кто употреблял, еле стояли на ногах. Дело усугублялось в день аванса или зарплаты, когда к обеденному перерыву некоторые работники сильно уставали. В один из таких дней наш новый знакомец, устав неимоверно, провалился сквозь дыру в полу в хранилище сахара, который туда ссыпали прямо из мешков. Причём не только провалился, но и заснул там, заблевав все вокруг. Наутро его выловили и уволили. Теперь он ехал с нами на шашашку и бахвалился, что у него настоящий триппер.

Я не поверил бы во все его истории, если бы не стал свидетелем двух трагикомических случаев, произошедших с ним на нашей стройке.

После пары недель работы на строительстве административного корпуса подошёл долгожданный день получки. Администрация приняла странное решение – до обеда денег не выдавать, но выдать их в обед. Видимо, бухгалтерии не хотелось оставаться после рабочего дня. Не знаю, чего они пытались добиться, но идея потерпела полное фиаско. В течение часа после обеда все были в дым. Тем не менее рассвирепевший начальник экспедиции выгнал всех на объект, причем не просто убирать мусор, но класть кирпичи. Этот замечательный день закончился тем, что двоих рабочих, в том числе нашего нового знакомца, по ошибке замуровали в будущей кладовке, в которой и так не было окон, заложив кирпичами единственную дверь. Проснувшись на следующее утро в кромешной темноте заживо погребёнными, рабочие с дикого бодуна чуть не лишились рассудка. Их высвободили, услышав замогильный стук, доносившийся со стройки.

Наш приятель продержался на работе ещё две недели и в день следующей получки подложил под колеса «Волги» начальника экспедиции учебную противотанковую мину. Мину заметили и, не зная, что она учебная, вызвали сапёров. Диверсанта уволили, но перед отправкой домой он снял мне соло Гилмора из «Atom Heart Mother» Pink Floyd. В этом парне я не ошибся.

К тому времени подоспел сенокос. Каждую организацию в районе обязали сдать определённое количества сена. Меня и Сокольского для этого сняли со стройки. Начальником нашей маленькой бригады из трёх косарей поставили местного деда по прозвищу Ильич. Наверное, у него все же было имя, но все звали его именно Ильичом. Косил он как бог. Вечером скошенное сено грузили на старенький «ГАЗ» и отвозили на приёмный пункт, взвешивать. Правда, по дороге мы обычно заезжали на мойку, где заливали в кузов воды из шланга, чтобы увеличить вес скошенного сена. Заливая воду, Ильич рассказывал историю, как прошлым летом объявился в районе молодой технолог по распределению. Движимый энтузиазмом и комсомольским задором, он внедрял по району агрегат для упаковки высушенного сена в брикеты, схваченные проволокой, наподобие тех, что использовал Заяц в одной из серий «Ну, погоди!», когда Волк так потешно убегает под бессмертный хит «Песняров» – «Косил Ясь конюшину». И все бы ничего, вот только мужики в совхозах, получив эти брикеты, покусали проволоку кусачками, да так, что её куски попали в корм скоту.

Не знаю, чем там дело кончилось, – на этом моменте Ильич обычно выключал воду.

Ильич не был стахановцем, хоть косарём был знатным, поэтому работа у нас шла с перерывами и многочисленными перекурами, во время которых мы с Сокольским либо слушали байки Ильича, либо глазели на гигантский лесоперерабатывающий комбинат, находившийся рядом с нашей делянкой. На его дворе, устланном, как в цирке, щепой и стружкой, лежали штабелями огромные стволы, уже без коры и попиленные. Иногда что-то происходило, и какой-то механизм перевозил что-то с одного места на другое, что-то куда-то заезжало, издавало несусветный визг и вываливалось с другой стороны ровненькими стопочками. Если не приглядываться, то людей было не очень, и огромный комплекс, включая двор, казался гигантским механизмом. Это завораживало.

Полярные Зори находились рядом с Белым морем, глубоко врезавшимся в сушу заливом Северного Ледовитого океана, были окружены бескрайними лесами, в основном хвойными. Весь этот край был мне хорошо знаком с детства по лыжному Кировску. Я люблю эти лысые, снежные горы, суровый, как бы инопланетный ландшафт и короткое, но такое яркое лето, когда солнце не вообще заходит, а маячит на горизонте в красном мареве. В один из выходных мы с Сокольским съездили в Кандалакшу и искупались в Белом море, прыгая в воду с гигантского камня.

Горные лыжи

Меня поставили на лыжи в три года. Я помню свой первый спуск с горы на папиных плечах. Помню цвет искусственного освещения горы ВЦСПС в Кавголово, где это произошло. Тогда я, естественно, не знал никаких гор и склонов, но обрывки впечатлений, которые у меня остаются до сих пор, подсказывают, что это было именно там. Потом я также возил на плечах своих детей, сначала Митю, потом Зою, а теперь и Глеба.

Альпинисты и горнолыжники – это был самый писк шестидесятых. Как очки Шурика и мини-юбки, прически «бабетта», а потом сапоги-чулки и танкеры Аляска. Мой папа был физик, мама – геолог. Классика. Они пели песни Визбора и читали Хэма* – на даче висел портрет седого бородатого красавца, обветренного далекими морями и странствиями. А ещё летом они уезжали: мама – в поле, папа – в горы. Вообще, они всегда были заняты – своей работой, своими компаниями, своими интересами. И если бы не лыжи, я бы рос дворовым парнем, и как сложилась бы моя судьба, трудно представить. Но случилось так, что в компании мамы и папы у нескольких семей одновременно родились дети, и, чтобы облегчить нелегкую задачу воспитания отпрысков, было решено по очереди заниматься всеми детьми скопом. Для этого надо было собрать нас в одном месте. Таким местом стала хата, которую компания родителей, как тогда было принято, снимала в поселке Токсово с целью катания на лыжах с Кавголовских гор по выходным. Вернее, не хата, а хаты, потому что каждая компания обычно проживала несколько лет у одних хозяев, потом, по каким-либо обстоятельствам, перебиралась к другим. Я помню четыре такие хаты. Первая была на Новой улице, а на ее заднем дворе был маленький склон, который именовался Гальюнкой, видимо от того, что вершину этой горки венчал обычный дощатый сортир, по-морскому – гальюн. Там мы всей компанией, насчитывающей в разное время от четырех до шести детей, и начали кататься. Подъемника там не было, и первое, что мы освоили, был подъем «лесенкой».

Я свято верю, что без труда не выловить и рыбку из пруда. Притом что сам я чрезвычайно ленив и избегаю этого самого труда всеми силами. Поэтому я всегда очень радуюсь, если жизнь ставит меня в условия, когда просто некуда деться, кроме как взять препятствие. И если при этом приходится много трудиться и приобретать новые навыки, это подчас для меня важнее решения самой задачи. Так я освоил перкуссию, которая всю жизнь мне не давалась, и потому я ее избегал, так я учился кататься на лыжах. Как-то мой коллега и приятель возраста моей старшей дочери в сердцах сказал, что не понимает, почему страдания необходимы. Почему, чтобы чего-то добиться, надо страдать? Передо мной такого вопроса никогда не стояло, я знал: так устроен мир, и в житейских терминах, и в терминах, к примеру, физики и естествознания. Вкусное лекарство не работает. Попытка сделать лекарство вкусным есть глубочайшее непонимание сути и ошибка. А за ошибки, как известно, платишь тройне – это тоже вполне универсальный закон. Всякий раз, когда жизнь ставит перед тобой проблему, она будет ставить ее раз за разом, пока ты не решишь ее. Вообще-то она будет ставить её и дальше, у нее нет никаких воспитательных целей, просто, когда ты с ней справишься, она перестанет быть проблемой. Именно поэтому нельзя уходить от проблем, а вовсе не потому, что это якобы недостойно. Все гораздо прозаичнее.

Во времена моего детства горные лыжи были в расцвете. Имена Жан-Клода Килли или Карла Шранца* были на слуху, как имена чемпионов мира по шахматам или фигуристов. В Ленинградской области было четыре горнолыжных курорта. Дело в том, что с севера пойму Невы окружает возвышенность, которая тянется на северо-запад, в Финляндию, и на северо-восток, в Карелию. Каждый, кто путешествовал в этих местах, знает, что дорога северных направлений начинает повышаться в нескольких десятках километров от города. Причем повышается она ступенями. Это выглядит, как если бы в древнейшие времена ледниковые

массы, остановленные широкой долиной Невы, создали барьер на подступах к ней, так и не пойдя ближе. Первая ступень повышения в северо-восточном направлении – это Кавголовские высоты. Перепад высот тут небольшой, всего какая-нибудь сотня метров, но достаточно резкий, чтобы создать условия для катания на лыжах.

Надо упомянуть, что один из четырех курортов все же находился на левом берегу Невы. Это Можайская гора, или Можайка, рядом с Красным селом. Как Воронья и Ореховая горы, эти, скорее, холмы также ледникового происхождения. Притом что Можайка самая скромная из всех областных лыжных гор, именно там появились два наиболее значительных горнолыжных таланта семидесятых: Бульбочка или «Буля» и Герасимов или «Ряха». Они были многократными победителями чемпионатов страны среди молодёжи и, по сути, являлись лидерами сборной. Таким же феноменом был Александр Жиров, лыжный самородок из совсем не горного Подмосковья. Он поднялся до самых высот горнолыжного спорта и даже соперничал с легендарным Ингемаром Стенмарком, который после проигрыша Жирову на прощальных соревнованиях даже решил отложить уход на пенсию и ещё несколько лет выступал на Кубке Мира. Судьба всех троих оказалась трагической. Жиров погиб в автомобильной катастрофе в самом расцвете сил, а Буля и Ряха канули без следа, они даже не гуглятся. *Sic transit gloria mundi*.

В каждом из лыжных центров существовали детские спортивные школы или секции, относящиеся к какому-либо добровольному спортивному обществу. В Кавголово это были прежде всего «Труд», «Буревестник» и «Зенит», в Можайском – «Леноблоно», на Пухтоловой горе под Зеленогорском – «Спартак», в Коробицино или, на горнолыжном аргю, Золотой Долине, где были самые длинные склоны, – «Урожай» и «Трудовые резервы», там же была самая многочисленная и сильная спортшкола во всем регионе. В Золотой Долине и сейчас самые популярные курорты Ленинградской области.

Само собой, нас отдали в одну из детских спортивных секций. Это оказалось общество «Труд», база которого находилась в маленькой долине по дороге от станции «Кавголово» к центру поселка Токсово. Дорога выходит к церкви, в которой в советское время был кинотеатр. К церкви из долины ведет длинная лестница, вдоль которой находился тренировочный трамплин естественного происхождения, то есть без строительных конструкций. Рядом с домом общества «Труд» располагалась база «Динамо», там было много ребят, которые занимались прыжками с трамплина или беговыми лыжами. Горнолыжной секции у них не было.

Главным тренером «Труда» был Николай Иванович Чуркин. Сам он на лыжах не катался и потому техника, которой он учил ребят, была немного странной. Он заставлял нас класть на плечи палку и ехать, взявшись руками за ее концы. Он почему-то считал, что чем шире руки, тем лучше. Сомнительно, но благодаря этому я понял, что в горных лыжах главное – руки. По крайней мере, в классической школе. Вообще-то Николай Иванович был летчиком-истребителем и, по слухам, воевал во Вьетнаме. Его военное прошлое сказывалось на дисциплине, которая царила в секции. Чуркина все звали Кал Иваныч. Про него ходило много рассказов, от уже упомянутой истории с Вьетнамом, где, по слухам, он катапультировался при встрече с американскими самолетами, до ставшей настоящей легендой истории об излечении тренера молодежной сборной Австрии, с которой у нас был совместный сбор на Чегете, от заражения крови при порезе. Австрийцы на тех сборах поразили всех красотой и качеством катания и заодно испортили нам на несколько лет технику, так как все, подражая им, ездили, прижав руки к груди колечком и работая одними ногами, будто привязанными одна к другой. Так вот, по окончании сборов в ресторане гостиницы «Иткол» была пьянка тренерского состава, на которой австрийский тренер порезал палец ножом. Аптечки под рукой не оказалось, и дело взял в свои военные руки Кал Иваныч. Заявив, что знает стопроцентное средство от возможного заражения, он вывел австрияка на улицу и уже собрался было пописать на травмированный палец и даже расстегнул штаны. Австрийский тренер, видимо, не вынес вида хозяйства

Кал Иваныча и от процедуры отказался в резкой форме. В общем, Кал Иваныч был хорошим мужиком и даже неплохим тренером, и ребят своих любил и радел за них. Так, «Труд» одним из первых получил пластиковые лыжи со скрытыми кантами. Назывались они «Юниор Метал», так как в них была дюралевая пластина.

С инвентарем тогда было худо. В продаже хороших лыж и ботинок не было. Каждый крутился как мог. Все мечтали получить лыжи в секции, к ним добавляли ботинки «Ботас» на клипсах – металлических застёжках. Я катался в шнурованных, кожаных ботинках, так как серьезных результатов не давал. Купить можно было только появившиеся в продаже крепления «Нева», топорную копию австрийских креплений фирмы «Маркер». До них вообще были дремучие дела – «лягушка», при которой пятка ботинка слегка отрывалась от лыжи. Головку крепления часто делали из хоккейной шайбы, назывались такие головки эксцентриками, не могу сказать почему. Палки тоже были жуткие. Лучшими были палки «Ленинград» – тяжеленные и неуклюжие, с громоздкими кольцами. Когда кольца ломались, на палку надевали пластиковые крышки от банок для закатывания солений и маринадов. От холода крышки часто ломались, и приходилось нанизывать новые.

Вообще-то спортивный инвентарь для горнолыжного спорта в Федерацию поступал. Его конечно было мало, только для ведущих спортсменов. При этом с ним происходила усушка-утряска. То есть даже в лучшем случае, даже ведущие спортсмены не получали полного набора. Например, лыжи и ботинки – но без шлема, палок, комбинезона и наклеек. Имея необходимые связи, инвентарь можно было купить. Как тот, что исчезал при утряске, так и просто привезенный из-за рубежа. Стоило это очень дорого. Если вы видели на горе человека с хорошим инвентарем, это был либо спортсмен, либо работник торговли. У нас таких денег не было и в помине. Правда, папа однажды привёз мне из Финляндии фирменные лыжи «Близзард» – они были деревянными, с накладными кантами, но качество их было не сравнить с мукачёвским или любым другим продуктом, отечественным или соцлагеря. Кстати, именно с появлением у меня этих лыж, а также доставшихся от мамы ботинок «Альпина», я наконец стал показывать какие-то результаты.

К тому моменту мы все перешли из «Труда» в только что появившуюся секцию общества «Зенит». Вернее, перешли мои друзья, а сам я вывалился из процесса на пару лет. Я даже не могу сказать, что явилось причиной этого перерыва. Просто я внезапно остыл к лыжам. Теперь я понимаю, что это – свойство моего характера. Я просто теряю всякий интерес к тому, чем был фанатично увлечен. Причиной ли тому бесперспективность, которую я заранее чувствую интуитивно, или отсутствие видимых успехов вне зависимости от причин, но, пожалуй, только музыка никогда не переставала для меня быть значимой. Правда, я несколько раз остывал к коллекционированию пластинок и распродал почти все. Место коллекционера тогда заменяла практика уже, собственно, музыкальная. Хотя и её я умудрился бросить почти на десять лет, но на то были особые причины, и её место все равно занимал магазин «Нирвана», о котором речь в другой главе.

Если «Труд» занимался на Андреевском склоне, то тренировки «Зенита» проходили на горе ВЦСПС. Там же каталась компания родителей. Наша новая хата была совсем рядом. В полутораэтажном домике ютились горнолыжники, а в подвале – альпинисты во главе с Владимиром Балыбердиным по прозвищу Фантомас, первым русским, вернее, советским, покорителем величайшей вершины мира Джомолунгмы-Эвереста. Иногда, несколько раз в сезон, мы выезжали в Золотую Долину. Сначала это были поездки с родителями на заказном автобусе или даже на рейсовом от станции Сосново. Помню, однажды по пути назад у нашего заказного львовского автобуса загорелся двигатель, и мы прождали в заснеженном нигде несколько часов, пока его чинили. После перехода в «Зенит» мы часто ездили в Долину на соревнования, иногда на сборы, и жили там либо в здании спортшколы, либо у местных жителей по хатам.

В «Зените» я и оставался до конца своей спортивной карьеры. Нашим тренером был Рудольф Рудольфович Васильев. Он потрясающе красиво катался. Ребята говорили, что он был лучшим демонстратором в стране. Его техника была совершенна и абсолютно современна. Не знаю, где он учился кататься, но это был настоящий мастер и прекрасный тренер. Меня он не очень любил. Возможно, за то, что я всегда был вторым и не представлял для него спортивного педагогического интереса. В отличие от Димки Миронова, на которого Рудик возлагал надежды, которые отчасти оправдались. Миронов своим упорством и целенаправленностью был способен добиваться серьезных результатов. Только он один из «Зенита» ездил на молодежный Кубок страны. Только он, как член сборной города, получил, хоть и изрядно прорезанный, набор инвентаря с уже вполне профессиональными ботинками «Кабер» и лыжами «Россиньоль». Тягаться с ним, да ещё на таком инвентаре, было трудно. Я тогда ездил на потрепанных, но вполне фирменных, купленных мамой у приятеля бармена ботинках и на лыжах «Элан», которые приходилось после каждого катания класть одним концом на батарею, а вторым на пол, и слегка выгибать, так как зазор к вечеру почти исчезал, так они были выработаны. И тем не менее однажды терпение и труд принесли свои плоды, и я поехал. Я выиграл одну попытку в слаломе на Чемпионате города в Золотой Долине и рухнул во второй. Но это позволило мне поехать на Чегет, на летнее Первенство страны среди молодежи, называемое Первенством профсоюзов. Это было в 1978-м я запомнил, потому что в тот год был чемпионат мира по футболу, который мы смотрели в холле гостиницы «Иткол».

Чемпионат проходил в Аргентине, я болел за Голландию, и когда эти две команды сошлись в финале и Голландия так несправедливо проиграла Аргентине, вылезший в финал за счет позиции хозяина Чемпионата и явно благодаря договорному матчу с Перу, горю моему не было границ. Дело усугублялось тем, что мой друг и соперник Димка Миронов именно из-за этого соперничества решил болеть за Аргентину. С тех пор он за неё и болеет. После матча я проиграл ему в шахматы три раза подряд, чего до этого никогда не происходило. Через несколько дней мы подрались, а чуть позже я подрался с другим своим другом детства по лыжам Митей Мясниковым, и во время игры в футбол на тренировке врезал поджопник противному и вредному Вадику Алексееву, сыну второго тренера «Зенита». За это Рудольф Рудольфович выгнал меня со сборов, и только заступничество друга моего отца, московского альпиниста и горнолыжника и члена Федерации, спасло меня от немедленной отправки домой.

Я несколько раз катался на Чегете и, хотя до сих пор не был на горнолыжных курортах Европы, мне кажется, что лучше и красивее Чегета нет лыжного места на земле. Когда едешь на первой очереди кресельного подъемника, ведущего к вершине горы Чегет, и справа встает двугорбый гигант Эльбрус, весь белый, а слева, как будто прямо над головой, возвышается стена Накра-Тау и Донгузорун, двух глав одной горы, немеешь от невыносимой красоты и величия. А какой вид открывается с террасы круглого кафе «Ай», что по-балкарски означает «Луна»! После такого масштаба и вида кадры из фильмов про Джеймса Бонда, где он улепётывает на лыжах, выглядят, словно сняты у нас в Золотой Долине.

Ах, какие шашлыки делали внизу, у подножья Чегета, на площади у подъемников! Мама давала мне с собой на сборы десятку. Половину я тратил на сигареты и дорогу от Минеральных Вод до поселка Терскол и обратно, вторую половину – на шашлыки. А как вкусен нарзан, бьющий из земли прямо на берегу грязно-желтого бурного Баксана, куда мы бегали каждое утро в качестве разминки! Как красивы заросшие рододендронами летом и покрытые снегом зимой склоны самого Чегета! Спуск с него – это всегда приключение, всегда немного экстрим, всегда немного фрирайд. Когда кресло висит над Чёрным виражом, который давным-давно закрыт, после того как на первенстве страны на нем разбилась Наташа Кривонос*, начинает сосать под ложечкой. Упади вниз – и не соберешь костей.

Кроме летних сборов в Приэльбрусье мы регулярно выезжали в Хибинь. Это совершенно другой трип, будь то суровые и холодные темные зимние дни соревнований или яркое солнце

апреля и майских праздников и свободное катание на каникулах. Лысые, безлесные, каменистые склоны Айкуайвенчорра, лед и крутизна Кукисвумчорра или, как принято его называть, «25-й километр», жемчужины горнолыжных курортов. А какая компания собиралась в Кировске! По вечерам в холле гостиницы разворачивались целые представления. Обычно это была «Кривая», полукруглая гостиница в центре города, потом «Хибины», более современный бетонно-стеклянный комплекс почти у самой горы.

На двадцать пятом я впервые увидел сборную страны. До того момента они были для меня полуполюгендарными небожителями. Валерий Цыганов, Цыпа, ныне большой спортивный начальник, Андреев, Макеев, Жиров, Патракеева. Помню, я стоял в очереди на подъемник, как вдруг прямо вдоль подъемника, по самому крутяку, усеянному черными пятнами камней, понеслись несколько фигур, с легкостью объезжая препятствия на полном ходу. Очередь выдохнула. Спортсмены так небрежно и красиво проехали мимо нас, пройдя без всякой очереди к бугелю, что я, возможно, ещё долго стоял, разинув рот. Помню, мне было стыдно за то, в каких допотопных ботинках и на каких дровах я тут стою. Ведь на них были «Динафиты» и «Росиньоли». Они уже ездили на Кубке мира. В 1981-м Валера Цыганов стал первым советским горнолыжником, выигравшим этап Кубка мира, после него это четыре раза подряд сделал Жир.

Там же, на двадцать пятом, во время свободного катания в редкий солнечный день, когда работала верхняя очередь подъемника, что случилось чрезвычайно редко из-за лавиноопасности, я оказался на белом снежном столе, а со всех сторон был горизонт. Угол уклона на самом верху Кукиса таков, что не видно дальше ближайшей к тебе поверхности и кажется, что ты один в целом мире. Крутизна не ощущается, и только когда на большой скорости ты вылетаешь к нижней части горы, понимаешь, где находишься.

К моменту поступления в институт я закончил систематически заниматься спортом, уйдя на покой с невыполненными нормативами кандидата в мастера спорта. Я ещё несколько раз ездил на сборы, дважды в качестве тренера команды ЛЭТИ, где учился на первом курсе. Последний раз на Чегете, где-то в конце 1980-х, когда я поехал туда как инструктор, меня чуть не убили местные. Я только что вернулся из своей первой поездки по Штатам и выглядел на миллион долларов в косухе и очках Ray-Ban. Одному местному пареньку приглянулась моя футболка Washington Redskins, и он сначала попытался у меня ее купить, потом выпросить, а потом отобрать. Наверное, будь я трезвым, я бы избежал обострения конфликта, но мы только вышли с прощального ужина с моими подопечными из ресторана, и я не выдержал. Я вмазал ему со всей силы прямо в нос, и нос разлетелся в разные стороны, как лопнувший помидор. В секунду отовсюду набегали его кореша, невысокие крепкие парни. Со мной были четыре здоровенных лба, бывших десантника. Но местные повели себя тактически очень грамотно. Они выделили по три-четыре человека на каждого из моих приятелей и отсекали их от меня. Мои соратники ворочались как медведи, облепленные со всех сторон собаками, и были беспомощны. Меня оттащили в сторону. Двое, держа меня за руки, наклонили вперед, остальные проверяли прочность ботинок на моем лице. Мимо, как в настоящем вестерне, летали стулья. Утром я обнаружил у себя на лбу круглый след от запущенного мне в голову граненого стакана. Спасли меня наши бабы. Пока меня били у стеклянной стены ресторана, они кинули в эту стену стул, и, когда слегка оторопевшие от падающего стекла противники немного ослабили хватку, вырвали меня из их лап и утащили внутрь гостиницы «Чегет». Женщины всегда меня любили и спасали. Думаю, за то, что я их тоже люблю.

После этого я практически не катался много лет. Техника изменилась. На смену классике пришла езда на двух лыжах с увеличенной кривизной профиля. За счет этого лыжи стали короче, трассы технически сложнее, а без трассы мне просто неинтересно ездить. То есть я могу пару раз спуститься, когда семья, которая зимой фанатеет от лыж, затащит меня в Корибицино, но вообще-то мне скучно. Только в прошлом году, когда я встретил в роли инструктора

ров на Красной Горе моих друзей детства, с которыми катался годы назад, я начал потихоньку раскатываться и даже принимать участие в их тренировках с настоящей слаломной трассой. Они все давно переучились на новую технику и, наверное, правы, когда говорят, что она более прогрессивная и больше позволяет сделать, но я останусь со своей классикой, красивее её всё равно нет.

Новая Земля

В июле 1985-го года я поехал на Новую Землю. Это самое близкое к Северному полюсу место, где я когда-либо был. Даже база «Эсперанса» в Антарктиде была на десять градусов дальше. Оттуда до полюса рукой подать.

Архипелаг Новая Земля – это самый конец Уральского хребта или, по-ненецки, хребта Пай-Хой. К северу хребет загибается на запад и существенно понижается. От последних отрогов Пай-Хой до острова Вайгач, от Вайгача до Новой Земли идут подводные горные кряжи, служащие барьером, останавливающим ледяные массы Карского моря. (Забавно, что первоначально слово «архипелаг», образованное двумя греческими словами ἄρχι – «главный» и πέλαγος – «море», означало Эгейское море и вообще море.) Хребет Пай-Хой и делит эту часть океана на Баренцево и Карское море.

Уральский хребет старый, он старше Памира и уж тем более Кавказа. Горы ниже и глаже. Так далеко на север уже практически нет растительности. Лишь мхи да лишайники. Иногда в низинах холмистой части Южного острова попадаются сильно искривленные березки, не больше полуметра высотой.

Лето там похоже на лето в Антарктиде. Короткое. Но когда светит солнце и нет ветра – вполне приятное. Ландшафт совершенно фантастический, как будто из лемовского «Непобедимого». Суровый и какой-то бесчеловечный. Собственно, людей там и не предполагалось. Норвежцы и русские, равно претендующие на открытие Новой Земли, так и не смогли обжить её. Ненцев, которые жили там с конца XIX века, переселили в начале 50-х, когда архипелаг закрыли и сделали его полигоном для испытания ядерного оружия. С тех пор там живут военные и их семьи. А судя по останкам лагеря в районе пролива Маточкин Шар, жили зеки. Их там давно нет, но колючая проволока и наблюдательные вышки указывают на их присутствие в недавнем прошлом.

Советский Союз проводил на Новой Земле испытания ядерного оружия, иногда по несколько раз в год. Я уже упомянул, что горы Новой Земли старые. Это означает, что найти в них твердый массив очень непросто. Этот массив нужен, чтобы, пробив туда горизонтальный ход, штольню, в специально оборудованном «боксе» провести испытание ядерного устройства. Чтобы найти в горе этот массив, нужны геологи, которые обмерят гору всеми возможными способами, просканируют её и найдут место для бокса. Дальше уже дело шахтеров. По четко выверенной траектории ведут они выработку к предполагаемому боксу. Обычно массив невелик и его окружают рыхлые породы, которые при взрыве выбрасывает высоко в воздух вместе с радиацией. Поэтому точность измерений и работы шахтеров очень важна. Вот в такую бригаду геологов я и несколько моих одноклассников по институту и попали летом 1985 года. Аккурат в летние каникулы между пятым и шестым курсами.

Рассказывая о поездке в Полярные Зори, я уже упоминал, что моя мама – геолог. После переезда в Москву она уже несколько лет работала в Монголии, изредка навещаясь в Москву. В один свой визит она и договорилась чтобы нас, нескольких студентов МИРЭА, взяли в геологоразведочную партию на Новой Земле. В середине июля мы вылетели из Москвы сначала в Архангельск, а потом на секретный аэродром «Амдерма-2», который находится на южном острове архипелага Новая Земля, в самом устье бухты Белушья Губа.

Поселок Белушья Губа, или попросту Белушка, представляет собой типичный военный городок, построенный в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Поэтому он так похож на многоквартирные ленинградские застройки тех времен: Купчино, Гражданку, Автово. Эдакий ад по Ле Корбюзье, функционализм которого, свободные формы и открытые фасады, выглядящие так футуристично и красиво в фильмах новой волны, в реальности советских типовых застроек породили целые районы с ярковыраженной, почти классовой принадлежностью. Кирпичики

панельных домов, лишённые балконов, с небольшими окнами, планомерно окаймляют главную улицу Белушки – Советскую.

Центром поселка является Дом Офицеров и площадь перед ним со стоящим неизменным Ильичом. Мы были там летом, и ландшафт, хоть и скуден и суров, тем не менее изобилует оттенками черного, серого и коричневого, что придает Белушке своеобразное очарование. Белые домики выглядят как форпост на чужой планете. Здесь сразу чувствуется кто хозяин. Природа не только не покорена и не оформлена, как в цивилизованных частях планеты, напротив, человек с его постройками, прямыми углами и точными пропорциями лишь гость, которого терпят, пока он не станет слишком назойливым. Зимой же выпадает столько снега, что, если его не убрать, он заносит дома под крышу.

Никакого транспорта, ни общественного ни личного, в Белушке нет. Среди местных рассказов и легенд ходит история о том, как один из адмиралов, командующих островом, заказал с материка пару черных «Волг». Их доставили и запарковали на площади перед зданием офицерского клуба. И благополучно забыли. Ведь для местных расстояний и дорог они абсолютно бесполезны. Когда же, ближе к лету, снег начал таять, один из гусеничных транспортеров-тягачей – ГТТ, обычное средство передвижения на Новой Земле – царапнул своей гусеницей что-то металлическое, скрытое под зимним снегом. Это оказалась крыша одной из черных «Волг», которые так и простояли всю зиму на площади.

Вода в бухте Белушья Губа холодна вне зависимости от времени года. Баренцево море, хоть и называется морем, фактически представляет собой часть Северного Ледовитого, самого холодного океана планеты. Буквально за несколько дней до нашего приезда с пирса при швартовке судна двое матросов упали в воду. Пока их вылавливали, один умер от переохлаждения.

Белушка – административный центр Новой Земли, которая, в свою очередь, входит в Ненецкий национальный округ. Но прежде всего это военный объект государственного значения. Адмирал здесь царь и бог. Рассказывали, что в бытность прошлого адмирала, командующего островом, того самого, который заказал черные «Волги», на железнодорожной станции где-то в Краснодарском крае военным патрулем был задержан отсутствующий в накладной вагон с катером, предназначавшимся для сына адмирала, учившегося в Одесской мореходке.

Но, как всегда бывает при дворах, не меньшей властью обладает персонаж, напоминающий скорее шута. В наше время таким отцом Жозефом* был простой мичман, завскладом, у которого при глобальной проверке и не менее глобальной недостаче на складе оказались все распоряжения начальства по полулегальным транзакциям, причем в письменном виде. Говорили, что за дочь он отвалил чуть ли не миллион приданого.

Буквально на следующий после прибытия день мы двинулись дальше. Нашей целью оказалась совсем не Белушка, а маленькое и загадочное поселение «Девятка» в западной части пролива Маточкин Шар, что разделяет архипелаг на два острова: Южный и Северный.

«Девятка», или поселок Северный, без постоянного населения, база подземных испытаний, где я прожил больше месяца, находится на $73^{\circ}12'$ с. ш. $56^{\circ}27'$ в. д. От Белушки туда 350 верст по местности, напрочь лишённой какой-либо растительности и дорог. Низкие холмы наплывают друг на друга, скрывая горизонт, как в прериях Колорадо и Канзаса. Только тут они не зеленые или желтые, а тёмно-серые или грязно-коричневые. То тут, то там попадаются озера, или, скорее, лужи, оставшиеся после таяния снега, готовые замерзнуть и впасть в спячку после короткого и скромного расцвета. Дороги как таковой нет, только ориентиры, по которым идут ГТТ. Они чем-то напоминают бронетранспортёры, только без брони и пулемёта на башне. Эдакие пустынные катера. Самое разумное в них – спать по дороге, все равно тряска и шум двигателя не дают даже говорить.

Нас поселили в двух вагончиках на сваях из металлических труб. Кроме теплоизоляции, эти сваи выполняли ещё одну важную роль. Они приподнимали вагончик как можно выше, для того чтобы зимой не пришлось выкапывать ход к дверям после обильного снегопада. Ста-

рожили рассказывали о зимах, когда почти весь поселок был настолько завален снегом, что на поверхности виднелись лишь черные дыры туннелей, ведущих к входам домов и вагончиков. Но в августе нам это не грозило. Вокруг было царство грязи, мха и камня. И, как ни странно, цветов – маленьких, прижимающихся к земле, с мясистыми, как у рододендронов, листьями. Их редкие колонии на фоне зеленого мха покрывали камни рыжими, как ржавчина, пятнами, ещё более усиливая сходство с планетой Станислава Лема, где могучий Циклоп, разбрызгивая ядерную энергию, безнадежно проигрывал кибербиологической Туче.

Залив Маточкин Шар сурово синел в нескольких сотнях метрах вниз, а расступившиеся в долине речки Шумилихи склоны открывали потрясающий вид на Северный остров, покрытый непроходимой стеной заснеженных гор.

Наша работа состояла из двух частей. Либо мы носились по холмам, обвешанные приборами, проводя магнитную или сейсмическую съемку, либо делали то же самое, но в штольне. И в том, и в другом были свои плюсы и минусы. При работе в поле приходилось довольно много двигаться и даже бегать по маршруту, зато внутри штольни было весьма холодно, часто ниже нуля. И там, и там особо канителиться не приходилось. Мне больше нравилось в штольне. Она тянулась вглубь на несколько сотен метров, вместе с ответвлениями образуя целую сеть туннелей с рельсами и вагонетками. Мы подъезжали на ГТТ ко входу в штольню, а дальше вагонетки развозили нас по объектам. Освещенные тусклыми лампами туннели таинственно терялись во мраке, изредка сходясь в узле, где была отапливаемая каптёрка и где можно было погреться и даже поваляться на теплых трубах. Это удавалось сделать после обеда, который состоял из банки разогретой тушенки с хлебом и чая со сгущенкой. Пожалуй, одно из самых вкусных переживаний в моей жизни. После прошедших тридцати лет и половины земного шара, которую я объездил и где пробовал самые экзотические блюда, я все ещё помню вкус этого крупнозернистого рассыпчатого серого хлеба, тонувшего в растопленном жиру горячей банки тушенки.

За время работы в штольне я несколько раз побывал в заветном боксе – комнате, в которую закладывают испытываемое ядерное устройство. Самой бомбы я, конечно, не видел, но непосредственно за несколько часов до её установки в боксе был. Обычно мы занимались сейсмической съемкой, для которой приходилось колотить тяжелой кувалдой по каменным стенам туннеля. Не бог весть какой труд, но несмотря на то, что никто нас не торопил, к обеду обычно намахаешься кувалдой так, что после чая клонит в сон немилосердно. К вечеру и те, кто работал в поле, и те, кто в штольне, съезжались к вагончику и после непродолжительного вечернего досуга отрубались.

Основной опасностью магнитосъемки на склонах была гипотетическая встреча с белым медведем. Сразу скажу, я так и не встретил это, пожалуй, самое опасное и сильное животное на Земле. Но напряженная атмосфера при работе на маршруте и постоянное внимание к горизонту, которое проявляли старшие и более опытные товарищи, вполне убедили меня в том, что это не пустая угроза. Чаще всего животные боятся человека и уступают дорогу, едва услышав его запах. Но только не белый медведь. Тут, в ледовых просторах, он полновластный господин. И не дай бог вам встретить медведицу с медвежатами. Если она почувствует угрозу потомству, вам вряд ли удастся уйти живым. Белый медведь бежит со скоростью до 60 км в час, плавает, лазает и вдобавок весит почти полтонны. В холке он со взрослого человека, а встав на задние лапы, ростом поболее Шакил О'Нила* будет. Убить его чрезвычайно трудно. Однажды, ещё во времена работавших в «Девятке» хрустальных приисков, на вышке одному из охранников со скуки захотелось покуражиться, и он выстрелил в проходящего неподалеку белого медведя, после чего медведь залез на вышку, стащил незадачливого вояку, который в истерике выпалил из автомата целую обойму, вниз, разделал, как на бойне, и ушел за тридцать километров, где его ещё несколько часов добивали с вертолета.

Кстати, всех участвовавших в операции списали на берег, так как трогать белых медведей строжайше запрещено.

Ещё в Белушке, на базе геологов мы встретили одного разведчика, который повел другой отряд на восточную сторону Маточкиного Шара, где не было никаких поселков и надо было жить в палатках. Так вот у него не хватало кисти руки. Кто-то рассказывал, что это была работа белого медведя, но на самом деле руку ему покалечила толовая шашка, которую он взорвал, обнаружив в палатке мишку, забредшего туда в поисках съестного.

Ещё рассказывали, что несколько лет назад в Белушке приبلудился медвежонок. То ли мать его погибла, то ли что, но только повадился этот медвежонок отираться около магазина. И до того обнаглел, что выйти из магазина, не заплатив ему за это выкуп в виде печенки или конфеты, было просто нельзя. Особенно он уважал сгущенку в банках, которую клал на камень и одним ударом лапы размазывал по всему камню, а потом слизывал. Один скупой сундук-мичман попробовал не заплатить дань, так тот его догнал и просто по спине постучал, мол: «Ты чего, мил человек, непорядок!» Так лапой куртку вместе с кожей скупому сундуку со спины и снял.

Особенную часть местного фольклора составляют рассказы об испытаниях. Весь остров так или иначе привязан к этим испытаниям. Это гигантский труд, требующий и оправдывающий существование практически всего, что находится на острове. От работы аэродрома Рогачево до палаточного лагеря в восточном проливе. И пиком всей кропотливой работы является «испытание устройства», или, проще, взрыв атомной бомбы.

Тут взрывали по-всякому. В основном, под землей. Но были и надземные, и даже надводные испытания. Как-то кто-то из умников с корабля, который все местные называют «Наука», придумал испытать атомную гранату. И сделать это он решил на платформе неглубоко под водой в проливе Маточкин Шар, как раз напротив Девятки. Народ, который заверили, что ввиду малой мощности заряда взрыв будет незначительным, высыпал на улицы, а кое-кто забрался на крыши домов и вагончиков. Говорят, от взрыва крыши летели по несколько десятков метров.

Кроме того, «Наука» привозила две невиданные здесь вещи – алкоголь и женщин. И пусть вторые были либо чьими-то женами или учеными, а первый представлял собой переживший зимнюю заморозку «токай» чудовищного вкуса, всё же это было лучше, чем одеколон «Красная звезда», которым мы уделали все кружки на кухне.

Не знаю, выдаю ли я секреты страны, но при одном испытании мне довелось присутствовать. Правда, нас для этого вывезли на «Науке» миль за тридцать от берега, прямо в Ледовитый океан. Удовольствие, скажу я вам, небольшое. Нас так болтало в океане, что я заблевал все что можно. А когда в довершение всего наш корабль подпрыгнул метров на пятнадцать из-за взрыва бомбы, тут я и вовсе струхнул. Как выяснилось, это стало переломным моментом для меня.

Перед испытанием мы несколько дней ждали погоды. Я уже говорил, что породы в местных горах рыхлые, и если что-то пойдет не так, или бокс расположен чуть не там, где ему положено быть по расчётам, которые, в свою очередь, обладают погрешностью, то последствия могут быть весьма печальными. Собственно, в нашем случае такой сценарий частично реализовался. Когда после взрыва огромное облако, выброшенное горой, под влиянием изменившейся погоды повернуло не на север, как все ожидали, а на юго-запад, и через неделю выпало радиоактивными дождями где-то в Норвегии, нота норвежского посольства легла на стол МИД буквально на следующий день. Правда, тогда мы ещё умели договариваться с соседями по хорошему.

Неприятности на этом не закончились. Едва вернувшись в наш вагончик, мы оказались опять в ГТТ по дороге на склон горы, где проходили испытания. Нас всячески уверяли, что радиационный фон в норме, но на просьбу выдать радиометры что-то хмыкнули и дали пару,

один из которых не работал. Приехав к месту назначения, мы разбрелись, увешанные приборами, как обычно. Не прошел я и нескольких сотен метров, как наткнулся на большую щель в породе, из которой несло сероводородом, что из твоего привокзального сортира. Один из радиометров у нас был с собой. Мы в легком оцепенении посмотрели на его экран. Прибор зашкалило. Я развернулся и увел с собой всю группу, посадил всех в ГТТ и заявил водиле, что мы едем домой. Дома в вагончике я поднял настоящий мятеж, который закончился массовыми увольнениями и отсылкой домой. Прежде всего, меня как зачинщика. Но мне было плевать. Я не хотел проверять на себе рассказы геологов, которые ездят сюда по десятку лет и хоть бы что. Так закончилась моя северная эпопея.

Своеобразная атмосфера таких мест, немногочисленность и специфичность людей, живущих или просто оказавшихся там, порождают целую культуру – со своими правилами, понятиями о добре и зле, своим кодексом чести. В простоте, вызванной скудостью окружающего, как и в природе тех мест, есть глубина и тонкость, красота и правильность. И хотя я собственными глазами видел, как один из местных солдат пытался вбить отвертку в глаз другому, напрочь игнорируя приказы офицера, я понимаю тех, кто каждый год не мыслит себе другого пути на лето, кроме как в Заполярье. А зимой мается в городе и ворочается ночью, когда снится ему грохот льда и вой ветра в мире, на сотни парсеков отдаленном от цивилизации со всеми её прелестями и удобствами.

Горбушка

В 1981 году я переехал жить в Москву. Мама уже работала в Монголии, и в моем распоряжении оказалась наша, чудесным образом выменянная на равноценную квартиру в Ленинграде, двушка на привычном третьем этаже блочной хрущевской пятиэтажки между станциями метро «Перово» и «Новогиреево». Я прожил там десять лет, там у меня родился первый ребенок, там прошел весь мой ранний рок-н-рольный экспириенс.

Я перевелся с физтеховской кафедры при ЛЭТИ. В Питере не было и нет учебного Физтеха, только научно-исследовательский институт им. Иоффе, которым тогда руководил академик Жорес Иванович Алферов. Он же был завкафедрой, на которую я поступил, побывав в их зимнем лагере. Прочувшись там год, я перевелся в столицу. Я хотел в университет, но не срослось, и я поступил на второй курс Московского института радиотехники, электроники и автоматики, что на юго-западе столицы, в огромной низине, давно уже застроенной, а тогда почти не тронутой.

Какое-то время ушло на первые знакомства. Почвой для быстрого контакта была, как обычно, музыка. Я зорко оглядывал коридоры института, высматривая пакет с характерной квадратностью, означающей, что в нем лежат пластинки. Так я вычислил Саню Киреева, моего сокурсника с другого потока. У него оказался с собой «Pictures at Eleven» Роберта Планта и «Selling England by the Pound» моих любимцев Genesis. Саня просветил меня насчет мест в Москве, где можно было найти пластинки и людей. Шел 1982 год.

В первую же субботу я отправился с классическим пакетом к магазину «Мелодия» в самом начале Ленинского проспекта. Позже в соседнем доме жил Миша Жуков. Прямо на выходе из метро «Октябрьская» ко мне подвалили два вертлявых молодых человека с традиционным вопросом: «Что интересует?» По тому, какой первый вопрос задает человек на балке, можно определить, кто он: коллекционер, барыга или просто случайно интересующийся. По специфике названий и профессионального сленга можно определить, откуда пассажир, с точностью до города. У этих двоих оказался на продажу Emerson, Lake & Palmer «Trilogy» и совершеннейшая и неведомая неожиданность – два первых альбома Dead Kennedys. За каждый они просили по тридцать рублей. Я не купил, хотя меня очень заинтересовала высохшая ручка, или лапка на обложке «Plastic Surgery Disaster». Попытался выменять, но был окинут презрительным взглядом. Знали бы, с кем разговаривают!

Парой лет позже, там же, в коридорах МИРЭА, я познакомился ещё с двумя пластиночниками. Я уже знал людей, которым нравился фанк, но это было больше со стороны диско. Мои новые знакомые, высокий и слегка дискоординированный Алеша и Женя с внешностью коренного жителя Гарлема или Бронкса, любили другой фанк. Вернее, они любили не только диско-фанк. Женя Кинёв, по прозвищу Мандарин, умудрился посадить на эту музыку всю столицу. До института он служил в Кронштадте, но в Питере он вряд ли добился бы таких успехов. Флегма и болотная депрессия не способствуют любви к фанку.

С этого началось. Потом были несколько лет нелегальной тусовки с пластинками: от «Мелодии» на Октябрьской до «Мелодии» на Маяковской. С существовавшим пару лет субботне-воскресным клубом в Химках, беготней от ментов, списками на перфорационных компьютерных карточках и непременно встречами в глухих концах фойе центральных станций метро.

Менты не то чтобы особо парились по поводу всего этого, существовавшего в слегка теневой области советской жизни рынка, но при случае не стеснялись задержать на пару часов в отделении несчастных меломанов с оттягивающими руки сумками с винилом и вороватыми юркими глазами. Это были уже не семидесятые и тем более не шестидесятые, когда по статье за спекуляцию можно было реально сесть, как сел Рудик Фукс-Соловьев, автор бессмертного

текста «Семь сорок» и пионер записи «на костях». Тем не менее, несмотря на явное снижение накала идеологической борьбы с тлетворным влиянием Запада, в менты нас, пластиночников, брали регулярно. В районе магазина «Мелодия» на Маяковской я побывал во всех отделениях милиции, по обе стороны Садового кольца и улицы Горького, и по многу раз. Был период, месяца два, когда я умудрялся попадать в менты каждую субботу почти без перерывов. Апофеозом стало, когда меня с двумя сумками винила приняли прямо на сходе с эскалатора станции метро «Маяковская» и под белы ручки препроводили в обезьянник.

Особо захватывающий сюжет имели облавы, устраиваемые целыми подразделениями милиции в районе пригородных станций электрички, куда с закрытием клуба в Химках переместилось филофонирующее сообщество. К вечеру пятницы в основном по телефону разносилась весть, где будет очередная балка*, и к девяти утра на нужный вокзал подтягивалась поодиночке и малыми группками вся пластиночная братия. На заранее выбранной станции все торговцы пластмассовой нетленкой выходили, и, отойдя недалеко, располагались на какой-нибудь поляне, как цыганский табор. Прямо на земле, подстелив газету или клеенку, раскладывали пластинки. Попадались плакаты и другая мемораблия, иногда появлялись шмотки, но на них смотрели косо, так как это была уже натуральная спекуляция, и они исчезали. Вот на эти-то сходняки и устраивали облавы то местные, то московские менты. С автобусами и даже собаками. Никогда не забуду, как в Новоподрезково, что по Ленинградке, во время самой, пожалуй, большой балки того времени, на которой, как потом с трепетом сообщалось, даже оружием кто-то торговал, появились менты с собаками на фоне садящегося за железнодорожную насыпь солнца. Сначала показались их фуражки, а потом они выросли цепью, как во вступлении к «Неуловимым мстителям». Пойманных грузили в автобусы, стоявшие на трассе. Спекулянты носились по кустам, перелескам, свежевспаханым грядкам огорода одиноко стоящего деревенского дома с хозяйством, в сортире которого в течение четырех с лишним часов прятались пятеро, пока облава не закончилась и автобусы с ментами и задержанными не уехали в город.

Второй, по воспоминаниям, была облава на станции Опалиха, что по Рижской дороге, когда мы с Андрюхой Борисовым, будущим продюсером и основателем лейбла и телепередачи «Экзотика», буквально плыли по грудь в снегу. Там же я совершил обмен, которым горжусь до сих пор. Провел я его с Лёхой Гладышевым, одним из самых интересных московских виниловых жучков, глубоко копавшим во все стороны современной музыки. У них была такая компания (аналогичный коллектив в коллективе есть и в питерском клубе филофонистов), которая не просто перепродавала попсу и модные тогда «последние дела», то есть только что выпущенные альбомы, а интересовалась самыми разными жанрами и придавала унылой тусовке мелких спекулянтов, впоследствии «перешедших на видео», интригу и ощущение причастности к предмету обожания и недостижимой пока культуре. От них я впервые услышал «Rock in Opposition», Клауса Шульца и немецкую электронику, и ещё многое-многое другое. При этом, как и положено заслуженным пластиночникам, они никогда не чурались подзаработать, поменяв мало кому нужные редкости на коммерческие позиции. Так я отдал Гладышеву «Making Movies» Dire Straits, «Prince Charming» Adam and the Ants и ещё какой-то популярный тогда диск, а получил «Elegy» Nice, «Live in London» Amon Duul II и «Ice Cream for Crow» Captain Beefheart, который поразил меня до глубины души вещью «Ink Mathematics».

Первобытный период в истории отечественной филофонии закончился с перестройкой. В истории падения советского строя наряду с «объективными» причинами принято отмечать роль правозащитников и вообще прогрессивной интеллигенции, тупость лидеров, бойкот Олимпиады, Афганскую войну. Но никто никогда не вспоминает трех «генералов» вражеской армии в этой холодной войне – джинсы, жвачку и виниловые пластинки. Эти три незаметные и обыденные вещи нанесли по идеологии позднего совка удар такой сокрушительной силы, что по сравнению с ним любое оружие массового поражения – лишь безобидная новогодняя хлопушка.

Как-то после очередной массовой облавы на Маяке ко мне подошел молодой человек. Мы иногда пересекались на туче*, то есть мы никогда не менялись пластинками, но лицо его было мне знакомо. Это был Игорь Тонких. Он предложил мне попробовать устроить легальную встречу в ДК им. Горбунова, принадлежавшему оборонному заводу им. Хруничева, секретарем комсомольской организации которого он был.

Первая встреча произошла в фойе перед малым залом ДК, и какое-то время новоиспеченный клуб филофонистов базировался именно там. Его первым председателем стал Саша Тихов, как раз один из той самой тусовки «продвинутых». В группу актива входили Андрей Борисов, Андрей Варыгин по прозвищу Кгбычно, так как был сотрудником органов, и мы с Жабой. Бори Симонова ещё не было.

Борис Николаевич Симонов, как Мориарти, оплел всю пластиночную Москву сетью, которой руководил из крохотной однокомнатной квартирки на Преображенке. В конечном итоге, как и всякая другая муха, я затронул одну из его нитей и был удостоен личной встречи. Вероятно, он хотел посмотреть на того, кто хотел купить The Residents и «чего-нибудь ещё в таком же духе». С появлением в составе актива Бори, который сменил на этом посту Тихова и оставался председателем Московского клуба филофонистов до самого закрытия «Горбушки», «заседания» клуба перебрались в фойе Большого зала, где было на порядок просторнее.

Боря открыл мне мир американской музыки, куда я влез, начав с его любимого тинейджа, и который так полюбил. Я, конечно же, слушал американские группы и до этого: Grateful Dead, Jefferson Airplane, Grand Funk, Kansas и многие другие, но отличал от общего потока музыки рок, пожалуй, только Velvet Underground как нечто, символизирующее географическое место, называемое Нью-Йорк. До того момента я делил музыку преимущественно по жанрам. С Бориной подачи я открыл для себя не только целый мир музыки, но и метод её анализа и классификации, что помогло мне в моей профессиональной деятельности как музыканта и позволило увидеть Джонни Кэша и Билла Монро в Юджине Чэдборне, или минимализм нью-йоркской школы в Velvet Underground и Pink Floyd.

Вся наша команда активистов сидела слева у входа внутри ДК за большими столами, на которых было удобно раскладывать пластинки. В те времена никто не мог себе позволить ставить пластинки в ящики, просто не было такого количества пластинок, по крайней мере, на обмен и продажу, и пластинки лежали, закрывая одна другую, оставляя лишь верхнюю часть конверта, чтобы можно было узнать, что это. Рядом был организован буфет, что было как нельзя более кстати. В этом буфете даже поработал Черепов в период активного роста организованной Игорем Тонких фирмы «FEE-LEE».

Сборища филофонистов были популярны. На них, кроме постоянных посетителей, приходила масса самого разного народа. От периодически приезжающих провинциальных дилеров-челноков, которые, набрав заказов на родине, отоваривались в «Горбушке», до композитора Матецкого, с вельможным видом покупавшего очередного Леонарда Коэна. Наши музыканты вообще-то предпочитают беречь свою неискушенность в предмете, как юные девственницы, но среди них случаются исключения. Пожалуй, чаще всего из действующих спортсменов появлялись Саня Скляр, Егор Летов, который в каждый свой приезд в столицу обязательно приходил за новыми старыми пластинками. Виталик Стерн и Игорь Колядный сначала стали постоянцами «Горбушки», а уж потом организовали наш ответ Muslimgauze, электронный дуэт «Виды Рыб». Коля Арутюнов, филофонист со стажем, в конце концов спевший со своими кумирами, и когда-то эмоционально меня грузивший, что надо играть музыку как Motörhead. Албанский принц в изгнании Гарик Осипов, человек тысячи талантов, непревзойденный эрудит и эквилибрист словом.

Ходили активисты «КонтрКультУр'ы», этого рупора второй московской волны и глашатая провинции. Особенно Лёша Коблов. Рокеры-металлисты с боцманом хирурговских московских «Волков» Димой Саббатом во главе. Иногда забегал Саша Шварц, который жил на

улице Горького в доме композиторов, почти напротив нынешнего магазина Бори Симонова «Трансильвания». Костя Божьев по прозвищу Прокурор с Джоником Кепкой, одним из самых стильных людей, которых я встречал. От него прямо веяло тем, что имели в виду в своих песнях Игги Поп и Лу Рид. Этакая испорченность. Но основной контингент состоял из вполне обычных граждан. При всей своей продвинутости клуб объединял, прежде всего, людей, занимающихся пластинками не только, вернее не столько для собственного удовольствия, сколько с вполне понятной коммерческой целью. Этакая помесь бани с блошиным рынком. И героями этого мирка были не артисты и мыслители, а вполне конкретные люди типа Сокола или Барабана, их можно было увидеть в магазине «Мелодия» всю неделю, несмотря на существование «Горбушки». Витька Водопроводчика, любителя Яна Мэтьюза. Или Женю Полеского, поклонника и знатока британского фолк-рока, милейшего и слегка грустного человека; в период первых обменов с западными коллекционерами Женя нарисовал несколько обложек к нашим флекси* из «Кругозоров»*, и эти обложки до сих пор циркулируют по «Дискогсу» и «Ибэю». Или Петуха, вернее Миши Петухова, который был знаменит тем, что победил советскую систему правосудия в своем конкретном случае – он первым отправился на Запад, в сам Лондон, специально за пластинками, и открыл мне 13 Floor Elevators и Seed; он же первым наладил обмен советских пластинок с иностранцами. На него можно было орать последними словами, он никогда не выходил из себя и только близоруко улыбался в ответ... А также: Юру Гришина – переводчика с арабского и коллекционера Джимми Хендрикса, автора нескольких, прекрасно изданных и скомпилированных каталогов по британским лейблам; раблезиански гигантского Пашу по прозвищу Свинья; Вадика Малахова, битломана; Володю Ильинского, сына великого актера и тоже битломана; subtilного и высокого выпускника питерской мореходки Диму Нартова. Иногда захаживал наш бассист Пуш, или звукооператор Бабушка, особенно если у Лолиты была в этот день так называемая репетиция в пожалованном нам Тонкишом подвале ДК.

Для меня это была совершенно неотъемлемая черта «Горбушки», которая, причем, росла с каждым годом – культурная деятельность. Начиная с открытия нашего клуба, ДК Горбунова стал превращаться из типичного советского учреждения культуры с детскими утренниками и партийными слетами, концертами деятелей районной филармонии и кружками по интересам в некий культурный центр нового типа. Двигателем этой локальной перестройки был Тонких, который действовал с полного согласия своего старшего партийного товарища и друга Саши Горожанкина, третьего секретаря райкома ВЛКСМ, а ныне продюсера телекомпании «ВИД». В команде Тонких состоял и наш Андрюха Борисов.

Получилось это так. В самый первый год после открытия «Горбушки» Боря познакомил меня с Артёмом Троицким. Тот уже был заметной фигурой с многочисленными контактами за рубежом, откуда он регулярно получал новинки музыки. Я поехал к нему в Черемушки, где он жил с мамой в пятиэтажке. Это был примерно 1986 год. Пластинки, которые я у него купил, были самыми-самыми на тот момент. Ему никогда нельзя было отказать в хорошем вкусе и знании предмета. Среди прочего там были Factrix, Monte Cazazza и Tuxedomoon. Если бы кто-нибудь тогда мне сказал, что я не только познакомлюсь, но и буду играть с музыкантами одной из этих групп, я бы рассмеялся.

Во время второго или третьего визита к Артему я привел с собой Борисова. С того момента началось их многолетнее сотрудничество, сначала в Филях с Тонкишом, а потом в «Экзотике».

«Фили» не только начали организовывать концерты на площадке «Горбушки», но и стали привозить с концертами артистов из Европы. Каждый приезд иностранного коллектива сопровождался пристальным вниманием всей тусовки. Не пойти на концерт было просто невыносимо. Тем более что профессиональный уровень, который продемонстрировали гости, просто ошарашивал. В каком-то смысле этот период можно сопоставить с аналогичным процессом в

Англии 1960-х, когда из-за океана стали регулярно приезжать артисты самого высокого уровня. Но если в Англии Мадди Уотерса, Джона Ли Хукера и Сонни Бой Вильямсона встретили Rolling Stones, Animals и Yardbirds, то у нас на месте первых были The Band of Holy Joy, World Domination Enterprise и Sonic Youth, а уж кто их встретил, вообще остается загадкой. Апофеозом этого микронашествия стал фестиваль, который FEE-LEE провели в Московском дворце молодежи. На нём, очевидно с подачи Троицкого, выступили Fred Frith, Chris Cutler и ещё целая плеяда артистов, практически неизвестного тогда публике направления современной музыки «Rock-in-Opposition». Мы, коллекционеры, как положено знатокам предмета, уже были знакомы с представителями этого одного из самых интересных международных объединений. Правда, заочно, по записям. Меня с ними познакомил Саша Чайка, по наводке которого я как-то съездил в Ригу меняться пластинками, где познакомился с Колей Судником и Саней Цеппелином. Там я набрал кучу интересной музыки и впервые увидел, как *вмазываются чёрным*. Судник играл в группе «Атональный синдром», лидер которой Миша Никитин был каким-то образом знаком с Крисом Катлером и получал пластинки прямо от основного лейбла «Rock-In-Opposition» – «Recommended Records». Кроме всего прочего, они живо интересовались восточно-европейской музыкой и даже издавали её. Так на одном из квартальных сборников, которые «Recommended Records» делали с любовью и снабжали журналом, был один трек «Странных Игр». И это был один из лучших треков на диске.

Благодаря близости и практической вовлеченности в деятельность Тонких и «Филей» я участвовал в каждом визите иностранных артистов, в той или иной мере и роли. Band of Holy Joy жили у меня в Перово, и именно благодаря этому я подружился с их звукачом Томом Барвудом, у которого я жил в Лондоне несколько лет спустя. Так как у меня была машина, купленная по случаю у легендарного олимпийца и рекордсмена мира по прыжкам в высоту Валерия Брумеля, то мне часто приходилось возить тех, кто приезжал к Тонких с концертами. Обычно этим занимался партнёр Тонкиша по бизнесу Саша Ларин, но когда им надо было помочь с артистами, подключался я. Никогда не забуду, как две миниатюрные японки из дуэта Frank Chickens вынуждены были ехать в багажнике машины, потому, что в салоне не было места. Помню, как пиарили с Игорем и Жабой на Арбате первый концерт в Москве «Воплей Видоплясова». В результате зал был полон, однако среди зрителей попадались недоумевающие дедушки с внуками и внучками, не понимающие, как они тут оказались, но безропотно раздевающиеся в гардеробе ДК.

Идеологи позднего Совка недооценили мощности материальной составляющей жизни, или переоценили силу идеи, которая уже не так грела, как вначале. Собственно, гигантский вред идее нанёс Сталин, дальше было дело техники. Бездари сменялись один за другим, и к концу шестидесятых наметился явный провал в театре военных действий холодной войны. На каждый идеологический выпад Запада наше бездарное руководство отвечало танковыми бригадами, ещё более усугубляя ситуацию, возводя микроскопическую оппозицию в ранг святых. А Запад умело клепал утопии в духе «Джеймса Бонда» и «Розовой пантеры», художественно идеально построенные.

Сначала начали прыгать в иллюминаторы балетные, за ними потянулись проштрафившиеся поэты, и, наконец, сдвинулась с места крупная масса интеллигенции, неожиданно открывшая своё еврейское происхождение.

Параллельно, вместе с неизбежными культурными инфильтрациями, в страну проник дух стяжательства и культуры потребления. Генералов Запада звали: Рок-музыка, Жвачка, Джинсы. Никакие «Угрюм-реки» и чрезвычайно талантливо сделанные полотна, призванные освежить стремительно теряющую актуальность идею, с поставленной задачей справиться уже не могли.

Мажоры и теневые дельцы, спекулянты пластинками и моряки-перевозчики стали выходить на авансцену, пока престарелые маразматика в Кремле решали «важнейшие» задачи в Афганистане и Гондурасе.

Цой прикончил остатки, открыв никомушному поколению, что оно «вместе».

«Горбушка» преобразалась вместе со всей страной. Очень короткий послеперестроечный штиль – и эйфория быстро закончилась. С повсеместным распространением компакт-дисков и радикальным упрощением самого производства появилась пиратская продукция, а с ней и наш относительно благообразный клуб филофонистов сначала вытек за границы ДК в парк, а потом и вовсе превратился в гигантский рынок всероссийского масштаба. Это привлекло внимание маргиналов. Пару раз на клуб наезжали рэкетеры. Помню, как пошёл с ними разбираться на улицу, уверенный, что за мной идут мои соратники по клубу. Выйдя на улицу к двум быковатым люберам, я обнаружил, что со мной никто на улицу не пошёл. Ситуацию спас ветеран клуба, сильно пьющий парень со слегка перекошенным от бухла и шрама через щеку лицом. Он встал за спиной у пришельцев с ножом в руке.

Ещё не было никаких бандитов. Милиции и другим советским органам до нас не было никакого дела, у завода Хруничева забот хватало и без нас, а будущие бизнесмены ввозили в страну компьютеры на продажу. Это были золотые годы, полные надежд и свежего ветра перемен.

«Маргарита» и Патрики

«Маргарита» и Патрики – это кафе «Маргарита» на Патриарших прудах в Москве, на углу Малой Бронной и Козихинского переулка. Я выбрал это место, казалось бы, ничем, кроме булгаковских реминисценций, не примечательное, не случайно. Думаю, лично для меня именно тогда, в конце восьмидесятых годов, когда я много досужего времени проводил именно на Патриках, закончилась одна моя жизнь и началась другая. Нельзя точно сказать с каким именно событием того времени, или в какой момент это произошло, но до этого времени жизнь моя была одной, а после стала другой. Вернее, никакая новая жизнь не началась, а вот старая закончилась, и началось что-то, что чуть не стало для меня настоящим концом.

В средние века эти места назывались Козьими болотами. Из этих болот вытекал ручей Черторый, который впадал в Москву-реку возле Чертольских ворот. В XVII веке здесь была резиденция московского патриарха и Патриаршая слобода. Патриарх Иоаким, тот, который венчал царя Петра на царство, приказал вырыть там три пруда. Потом патриаршество отменили. Пруд сохранился только один, но остались «множественное» название пруда и Трёхпрудный переулок. Там, кстати, родилась Марина Цветаева. В советское время пруды переименовали в Пионерские, однако москвичи продолжали называть их Патриаршими. В 1986 году со стороны Большого Патриаршего переулка построили павильон, сейчас там ресторан. Во время бандитских разборок девяностых тут было мрачное место, убивали людей.

Рокерский и околomuзыкальный тусняк появился там в самом конце восьмидесятых. В Большом Патриаршем переулке, почти на углу с Малой Бронной, жил Ёж, ударник и бессменный лидер московской рокабилльной группы «Мистер Твистер». Он и сейчас там живёт. Почти каждый вечер в «Маргарите» или выше по Малому Козихинскому в «Московских зорях», первом кооперативном ресторане перестроечной Москвы, собирались самые разные компании. Тут можно было увидеть неформалов, панков, мотоциклистов Хирурга, тогда ещё не собранных в стаю «Ночных волков», можно было наткнуться на любителей или повстречать киносьёмочную группу – они любили снимать это красивейшее место столицы.

Для меня одна такая встреча закончилась довольно печально. В самом Козихинском киношники снимали фильм по «Одесским рассказам» Бабеля, одну из главных ролей играл Максим Леонидов. Сейчас я не могу понять, какое было до того моё собачье дело, но тогда мне казалось оскорблением появление в «нашем месте» представителя попсы. Дело в том, что некоторые ансамбли, которые в Питере или других городах страны почитались как рок-группы, в Москве каналы за попсу. Так было с «Секретом» или, к примеру, с «Наутилусом», чей «Шарф цвета хаки» раздавался из каждого ларька, торгующего «Ласковым маем» или «Миражом». Среди правильных пацанов эти группы были презираемы. Так вот я, уже не очень юный оболтус, решил помешать съёмкам, в которых участвовал попсарь Леонидов. Закончил я свой пикет в ментах на Пресне, где по прошествии ночи и после того, как у меня отобрали шнурки и ремень перед посадкой в обезьянник, меня судили самым настоящим судом и вкатили штраф двадцать пять рублей по заявлению, написанному на меня съёмочной группой. Не знаю, что они там сняли, думаю – говно, как и все перестроечное кино, но я рад, что не ошибся в Леонидове.

Помню, как мы с Жабой появились там первый раз. После воскресного дня в «Горбушке», весьма подогретые, в компании Сани Скляра и ещё нескольких приятелей мы решили поехать на Патрики купаться. Где были наши мозги и как мы не покалечились, купаясь в пруду, непонятно. Помню только апокалиптическую фигуру абсолютно голого Жабы с широко расставленными ногами и воздетыми к небесам руками, уходящего от меня по одной из аллей, залитой волшебным лунным светом. С тех пор мы бывали там регулярно. Там мы ещё ближе сошлись с байкерским сообществом в лице Китайца, Миши Ло, Шмеля и других; там же бол-

тались рокабиллы Маврик, Ёж и компания... Или Женя Круглый – загадочный надломленный персонаж, он мог избить битой наглого нового русского, а мог и грабануть ни в чем не повинного подростка, закончивший совсем плохо. Говорят, В конце концов, он таки нарвался, и какой-то чел, у которого Круглый требовал бабло, открыл кейс, вынул оттуда пистолет и застрелил Женю. Впрочем, я слышал и другие истории.

Время начиналось мутное. Из пригородов стали приезжать группки накачанных парней в широких штанах, такие же повывезали из щелей спальных районов. Любера. Они качались в подвалах своих пятиэтажек, сбиваясь в стаи. Ими руководили настоящие уголовники, которые, как и положено волкам, почуяли, что порядок слабеет и вот-вот настанет их время, когда можно будет безнаказанно дербанить страну и стричь овец. Так и вышло. Мы пытались с ними бороться. Мы дрались с ними, где придётся, вместе с байкерами и Саней Хирургом, но у нас не было шансов. Всё уже было predetermined. Единственное, что мы могли сделать, это остаться в живых и ждать, когда пройдут тёмные времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.